

ИВАН ШАЙДУЛИН

УБИТЬ ПЕРВОГО

КНИГА 1

Убить Первого

Иван Шайдулин

Убить Первого. Книга 1

«1С-Паблишинг»

2021

Шайдулин И.

Убить Первого. Книга 1 / И. Шайдулин — «1С-Паблишинг», 2021 — (Убить Первого)

Иван Шайдулин — молодой писатель, работающий в жанре фэнтези и уверенно набирающий популярность. Один из самых известных его проектов — цикл романов «Убить Первого», созданный в антураже восточного фэнтези «уся», где магия сочетается с боевыми искусствами. Согласно древним легендам люди погубили Хранителя жизни, и Первый поклялся извести за это весь род людской. Так ли всё было на самом деле, уже никто не помнит, ведь давным-давно наступили Тёмные времена. Люди прячутся за высокими стенами и подвергаются нескончаемым атакам неведомых тварей. Любая вылазка за пределы укреплений смертельно опасна. Города постепенно исчезают с лица земли, не выдерживая натиска зла. Единственный шанс человечества выжить — найти и убить Первого. Предлагаем начальную книгу этой увлекательной саги.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Выживший	8
Глава 2. Библиотекарь Шан Фан	13
Глава 3. Мир за порогом комнаты	18
Глава 4. Пёс в волчьей стае	22
Глава 5. Первые шаги на длинной дороге	27
Глава 6. Новые знакомства	32
Глава 7. Постигая основы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Шайдулин

Убить первого

Том 1

Пролог

Эдван в ужасе мчался по лесу. Он жадно хватал ртом воздух, пытаясь хоть как-то восстановить дыхание. В боку кололо. Так сильно, словно туда кто-то всадил кинжал, но мысли о том, чтобы остановиться и перевести дух, даже не возникало. Стиснув зубы, парень начал лишь быстрее перебирать ногами, стараясь выжать из себя как можно большую скорость. Всё его внимание было сосредоточено на том, как бы поскорее добраться до конца этого проклятого леса и не врезаться по дороге в дерево.

Сухие ветки и прошлогодняя хвоя хрустели под ногами. Позади слышался топот десятков лап. Они не отставали ни на шаг. Чем быстрее бежал Эдван, тем громче становились задорные крики. Ещё бы! Почуввав охотничий азарт, они всю наслаждались дикой погоней.

Мальчишка старался не думать о судьбе тех, кто остался там, в чаще, но эти горькие мысли лезли в голову сами собой. Мать, отец, друзья, соседи... множество мёртвых лиц мелькало перед глазами, не желая его оставлять. Они словно были здесь, рядом и манили за собой. Призывали остановиться, отдаться на волю судьбы и покинуть этот жестокий, полный бесконечных страданий мир. Он уже чувствовал на плече костлявую лапу смерти. Затылком ощущал её ледяное дыхание и оттого бежал всё быстрее, подгоняемый липким ужасом. Он хотел жить.

Лёгкие рвало огнём, острые ветви деревьев хлестали Эдвана по лицу, а любая коряга норовила зацепиться за ногу. Парень поклялся отомстить каждой мохнатой твари, напавшей на них сегодня. Он боялся их так же сильно, как и ненавидел, и, наверное, только эти два чувства питали его волю к жизни. Жгучая ненависть и непреодолимый животный страх смерти.

Что-то острое кольнуло его в спину. Позади раздался радостный вопль, а у Эдвана от вспышки боли брызнули слёзы, но он не остановился, не упал. А, наоборот, закричав, побежал ещё быстрее, выжимая из себя последние соки. Проклятые твари, проклятый мир!

Он не понимал этого. Не понимал, как они могут быть такими жестокими. За что так ненавидят людей?

Всю жизнь он думал, что звери тупы и кровожадны, что ими движут лишь животные инстинкты. Рвать и убивать. Но сегодня... сегодня весь мир Эдвана перевернулся.

Сегодня он впервые увидел, как твари взяли в лапы оружие. Заточенные деревянные палки, которыми научились орудовать, как копьями. Они стали куда хитрее и озлобленнее. Засада в лесу была хорошим тому подтверждением. Звери развивались, и это оказалось куда хуже, чем всё, что он когда-либо мог представить.

В голове парнишки всё чаще и чаще мелькала мысль о том, что он до сих пор жив лишь потому, что им нравится загонять его, как какого-то дикого зверя. Хотелось плакать от обиды и собственного бессилия. Но жить хотелось сильнее.

Заветная граница леса приближалась. Ещё немного, совсем чуть-чуть – и... свобода! Все страхи и горести словно остались там, в тени деревьев, отступая перед ярким дневным светом. От радости у Эдвана открылось второе дыхание: его тело стало вдруг лёгким, как пушинка на ветру, и ноги несли по склону холма всё быстрее и быстрее.

Солдаты из гарнизона ждали в условленном месте. У старого моста через Белую, под зелёным холмом. Жаль только, что вместо большой группы беженцев к ним выбежал всего один пацан. Он закричал что было мочи, стараясь привлечь внимание. Топот лап за спиной

никуда не пропал, и единственной его надеждой на избавление от «хвоста» были воины. Те уже заметили его и бросились навстречу. Оставалось ещё совсем немного, ещё самая малость, и весь ужас останется позади.

«Только бы добежать... только бы добежать!» – набатом стучало в голове мальчишки.

Вопли зверей затихли, и топот резко оборвался. Эдван быстро взглянул назад. Охотники прекратили погоню, остановились. Вся толпа мохнатых ублюдков замерла, и расстояние между ними увеличивалось с каждой секундой. Не веря своим глазам, Эдван рассмеялся. Прямо на бегу. Громко, безумно, не в силах сдержать эмоций. Костлявая лапа смерти отпустила его сердце. Он сделал это! Убежал! Вырвался!

Наверняка эти трусливые уроды испугались солдат городской стражи. Иначе и быть не могло. Настоящие воины перебили бы их с той же лёгкостью, с какой сами обезьяны уничтожали односельчан мальчишки. Именно так Эдван думал, пока бежал навстречу отряду, испытывая невероятное облегчение. Он чувствовал себя словно заново рождённым и кричал, не в силах сдержать рвущееся наружу счастье. Но в одном он ошибся: костлявая лапа смерти не отпускала его. Она лишь замахнулась, чтобы схватить покрепче.

Вспышка боли пронзила спину мальчишки, крик его оборвался. Он споткнулся и тяжело рухнул на землю, проехав десяток шагов по колючей траве. На руках и лице осталось множество глубоких царапин, кровь потекла по щекам на подбородок, упала на сочные травинки. Эдван замер. Несколько долгих секунд он не мог понять, что же случилось. Почему ещё мгновение назад он бежал, а сейчас лежит и не может подняться? Почему кожа горит от царапин? Почему в груди что-то колет? Совсем слабо, как будто там засел какой-то комок...

«Просто ударился, когда падал», – подумал парень, пытаясь восстановить дыхание, но сделать глубокий вдох так и не сумел. Только короткий глоток. словно что-то внутри мешало воздуху проникнуть дальше. Взгляд его медленно опустился вниз, и расцарапанные губы мальчишки задрожали. В уголках глаз появились слёзы. Из груди торчал окровавленный конец деревянного дротика. Эдван заплакал. Пачкая собственной кровью руки, он держался за палку и мотал головой, не желая верить в происходящее.

«Почему? Почему я, Творец? Я не хочу...» – бормотал он, всё глубже и глубже погружаясь в пучину отчаянья. Он бросил последний взгляд на опушку леса. Стая обезьян скрылась в чаще.

– Чтоб вы сдохли... – прошептал парень, провожая мохнатых уродцев полным жгучей ненависти взглядом.

Силы оставляли паренька. Чудовищная слабость сковала его, будто каждый мускул кто-то привязал к земле невидимыми нитями. Руки больше не держали, мальчишка отпустил дротик и завалился на бок. Его слабый, истощённый организм больше не мог сопротивляться неизбежному.

Лёгкий холодок начал расходиться по телу от страшной раны, медленно и неотвратно. Слабость постепенно исчезала, а вскоре даже боль начала медленно отступать. Эдвана охватил леденящий ужас. Он чувствовал это, боялся этого больше всего на свете, и оттого ему было ещё невыносимее наблюдать за тем, как медленно и неотвратно вместе с болью уходит жизнь. Капля за каплей.

Он больше не чувствовал, как колючая трава впивается в кожу, не мог различить цвет небесной глади и уловить дуновение ветра. Не мог пошевелиться. Весь мир вокруг стал серым, блёклым, и каждый удар уставшего сердца заставлял эту угасающую картинку легонько вздрагивать. Перед глазами появилось чьё-то лицо, мелькнуло серое небо. Его перевернули. Сквозь толщу воздуха донёсся какой-то слабый звук. Похоже, кто-то что-то говорил, но Эдван уже не слышал, да и не пытался.

Пропали чувства. Больше не было ни отчаянья, ни злобы. Ни боли, ни горечи, ни даже страха смерти. Ничего этого для него уже не существовало. Осталась лишь пустота. И когда

от смерти мальчишку отделяли считанные секунды, а тьма практически затмила его взор, в этой бесконечной, давящей пустоте родилось новое чувство. Такое чуждое и одновременно такое родное, оно подействовало на его сознание как глоток свежего воздуха. Как порыв ветра в абсолютном штиле, как что-то, способное заставить почувствовать себя живым. И он ощутил её. Энергию Творца, что пронзала всё сущее. Атру.

Судьба умеет издеваться. Что может быть прекраснее исполнения заветного желания? Любая живая тварь мечтает пробудить свой дар и почувствовать разлитую в окружающем мире силу, познать её тайны. Ах, если бы это случилось на несколько минут раньше – может, и исход был бы совсем другим! Сердце Эдвана наполнилось печалью. Внезапно всё его естество обожгло холодом, как будто кто-то окунул его в ледяную воду. Тьма вокруг превратилась в клубы чёрного дыма. Постепенно он посветлел, превращаясь в сизый туман, и через мгновение перед глазами предстало бескрайнее поле.

Стеной лилась вода. Завывал ветер. Он подхватывал капли и изо всех сил швырял их в стороны, будто воюя с дождём и пытаясь защитить земную твердь от нескончаемого водяного потока. Чёрные тучи затянули всё небо до горизонта. Царила тьма, как ночью, и лишь вспышки бесконечных молний разрывали её. Чудовищные раскаты грома разносились во все стороны, а Эдван заворожённо наблюдал за всем этим, не в силах отвести взгляд или даже моргнуть.

В самом сердце бури кипело сражение. Здесь, под ливнем, в грозу, человек и зверь сошлись в смертельной схватке и яростно рвали друг друга, нанося страшные удары. Тяжелая лапа гигантского медведя против крепкого кулака старого воина. Острейшее копьё против стальных когтей. Боевое искусство против грубой животной силы. Когда их могучие удары сталкивались, гремел гром, и казалось, что не они сражаются в центре бури, а сама природа бушует, подпитываясь бурлящей в их душах ненавистью.

Эдван обнаружил себя в шкуре старого воина. Очень слабо, словно какие-то старые, покрытые пылью воспоминания, он ощущал его чувства. Грусть и дикую усталость. Он покрепче сжал древко копья. Медведь поднялся на задние лапы, его могучий рык подобно раскату грома разнёсся над полем. Ни у того, ни у другого почти не осталось сил, и этот удар должен был стать последним. Решить исход всего поединка. Две смазанные тени бросились навстречу друг другу. От их столкновения вздрогнула сама земля, и даже дождь прекратился на несколько долгих секунд.

Но вот вода вновь коснулась земли, вновь завыл ветер. Обломок копья упал на землю. Человек закашлял, схаркнул кровью на бурый мех. Зверь оказался сильнее. Эдван снова почувствовал боль в груди. Теперь он вместе со старым воином висел на могучей лапе, а стальные медвежьи когти пронзали его насквозь. Сердце разорвало на части. Холод начал медленно расходиться от страшной раны по всему телу. Все свои годы он прожил без страха смерти и гордился этим, но лишь теперь он осознал, насколько был не прав. Такой чуждый, неизведанный и потому столь ужасный страх неизвестности сковал его, проник в каждую клеточку умирающего тела. Что будет дальше? Бесконечная пустота? Или новая жизнь? Человек не знал, и только теперь, находясь в одном шаге от ответа, понял, что прожить без страха может только тот, кто уже прошёл этот путь. Кто уже умирал. Из последних сил он цеплялся за остатки жизненных сил. Пальцем, окунув его в собственную кровь, начертил на груди древний знак. Но тот не спас.

– Будь ты проклят... – прошептал воин. Бесконечная тьма забрала его в своё царство. Вновь.

Сознание вернулось рывком. Проснувшись, он несколько секунд хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, не в силах унять тремор в теле. Сердце стучало так быстро, что, казалось, ещё немного, и оно вырвется из груди. Глубокий вздох лишь немного унял его бешеный ритм. Живой. Нет медвежьих когтей и страшной раны. Нет дождя и ветра, обезьян, больше нет ни боли, ни горечи, ни бесконечной пустоты. Это был всего лишь сон. Дурной сон, который никак не хотел заканчиваться. Или... нет?

Глава 1. Выживший

Эдван смотрел в пустоту, и бесконечная скорбь затапливала всё его естество. Мир, который он знал, разбился на тысячи мелких осколков и исчез, словно дым на ветру. Вид опустевшей деревни на опушке Таинственной чащи застыл перед его глазами. Одинокие дома, пустые окна, разбросанные тут и там вещи, в спешке оставленные кем-то в мёртвом селении. Он вспоминал, как на секунду остановился, чтобы в последний раз посмотреть на родной дом, прежде чем шагнуть в лесную чащу вместе с односельчанами. Это был знаменательный день. Последнее поселение, которое ещё не присоединилось к великому Городу, наконец-то уходило под защиту его стен. Демонических зверей в лесу становилось всё больше с каждым годом, а их жажда людской крови всё сильнее. И люди больше не могли оставаться в деревне.

Солдаты из гарнизона пообещали встретить беженцев у старого моста через реку Белую, довести их до Города. Жителям нужно было всего лишь миновать крупный участок леса. Этого треклятого леса...

Воспоминания унесли образ деревни, развеяли злобу на городских солдат и местных старейшин. Перед глазами встала новая картина: длинная колонна из людей с пожитками, что двигалась вперёд по старому тракту. Женщины и дети шли в центре, а мужчины охраняли их, вооруженные копьями и луками. Эдван тоже был там, двигался рядом с отцом и искренне надеялся, что им не придётся сражаться. Среди всей толпы деревенских было всего двое одарённых, чья сила оставалась главной надеждой всех жителей на случай нападения одарённых зверей. Эдван и сам страстно желал стать таким же, пробудить дар, чтобы защищать родных от всех напастей, но... уже не сильно верил, что это возможно. Не так сильно, как в далеком детстве.

Гролом среди ясного неба прозвучал пронзительный крик обезьяны. Твари вылетели из леса и набросились на колонну с невероятной яростью, едва ли не мгновенно расправившись с одарёнными. Боль пронзила сердце Эдвана с небывалой силой, как будто туда вонзилась тысяча острейших клинков. Он закрыл глаза и до крови закусил губу, не в силах простить себе совершённый поступок.

Он убежал. Видя, как твари безжалостно расправляются с его односельчанами, бросил копьё и помчался прочь, обезумев от ужаса, когда все остальные бились до последнего вздоха. Стыд и скорбь снесли его – казалось, было бы лучше, если бы он умер вместе с ними, но нет. Он выжил. Каким-то чудом ему удалось спасти свою шкуру, но все, ради кого он жил... погибли.

Душевная боль постепенно утихла, глубокая горечь сменилась холодной пустотой. Слёзы высохли, а парень всё так же смотрел в потолок, не зная, как дальше жить. Рана в его груди была более чем реальной. Она чесалась и ныла, постоянно напоминая о пережитом. Эдван помнил серый, мёртвый мир, странное видение, в котором он сражался с медведем, помнил момент, когда вдруг почувствовал разлитую вокруг энергию, которую никак не мог ощутить сейчас.

«Должно быть, мне просто показалось. Привиделось в предсмертном бреду...» – подумал он с горечью.

Он пролежал несколько часов, просто смотря в потолок, не зная ни где он, ни кто спас его от той страшной раны. Ему было всё равно. Эдван настолько глубоко ушел в себя, что даже не заметил, как в крохотную комнатку заглянул седой старик и тут же сорвался куда-то, увидев, что парень проснулся.

Тяжёлые шаги за дверью заставили Эдвана вынырнуть из глубин разума, однако в сердце его до сих пор царила безжизненная пустота. Моргнув, он попытался глубоко вдохнуть, но рана в груди заныла, и пришлось замереть. Шаги в коридоре звучали громче, под тяжестью чьих-то ног слегка подрагивала кровать. Через несколько мгновений входная дверь широко распах-

нулась, впуская гостя внутрь. Им оказался огромный мужчина с густыми пышными усами. Войдя, он занял почти всё пространство, едва не касаясь головой деревянного потолка. Из-за его широкой спины выплыл щуплый сгорбленный старичок в белом халате и аккуратно захлопнул дверь.

– Ну, здравствуй, герой! – широко улыбнувшись, мужчина уселся на табуретку подле кровати. Старик остался стоять.

«Герой?» – это слово укололо Эдвана в самое сердце. Над ним пришли поиздеваться?

– Здравствуйте, – прохрипел он. Взгляд мальчишки скользнул по телу гостя, задержавшись на его руках. Предплечья казались размером со ствол молодого дерева. Запястья украшали два широких наруча с выгравированными буквами и, если сложить слоги вместе, получалось: «Палач зверей». Эдван мысленно хмыкнул. Смелое прозвище...

– Помнишь хоть что-нибудь? – пробасил мужчина.

– Да, – ответил парень, – помню.

– Хм. Значит, судьба поиздевалась над тобой ещё раз, – заключил он. – Как тебя зовут?

– Эдван. Эдван Лаут.

– Моё имя Марк Боу. Это мой отряд вытащил тебя с того света, – сказал мужчина и внимательно посмотрел парню в глаза. Он ждал от него какой-то реакции, но лицо мальчишки оставалось невозмутимым. Воин вздохнул. – Ты получил смертельную рану. Честно, я до сих пор удивлён, что ты сумел выкарабкаться.

– И всё благодаря этому, – встрял старик и вынул из-за пазухи небольшой свиток. Когда дед открыл его, Эдван увидел странный знак, очень похожий на символическое изображение древесного листа, смотрящего вправо. Этот символ казался ему смутно знакомым – настолько, что вызывал лёгкий зуд в голове. Его название как будто висело на языке, но его никак не получалось поймать.

– Этому? – удивлённо переспросил Эдван.

– Да, – кивнул воин, – когда твоё сердце окончательно замерло, ты вдруг пробудился на краткий миг, чтобы начертить этот магический символ на своей груди, а затем снова потерял сознание. Благодаря ему ты продержался до города. Не помнишь?

– Нет, – Эдван покачал головой и вдруг замер в ошеломлении, словно его окатили ледяной водой, – постойте. Магический знак?

Он посмотрел на свои руки. Их била мелкая дрожь. Магические знаки были прерогативой одарённых, простые смертные не могли их использовать. Неужели... это было взаправду?

Марк со стариком переглянулись. Кивнув каким-то ведомым только им одним думам, они вдруг заулыбались и очень внимательно посмотрели на Эдвана, отчего тот почувствовал себя неуютно.

– Ты пробудил свой дар тогда, верно? На пороге смерти, – предельно серьёзно спросил воин.

Парень осторожно кивнул.

– Невероятная удача! Значит, ты всё-таки был там, – Марк гордо вздёрнул подбородок и бросил на старика победоносный взгляд, – видишь, старый пень, я был прав. Иначе и быть не могло!

– Да, в самом деле, – сухо подтвердил его спутник, – удача поистине невероятная.

– Я не понимаю, о чём вы говорите... – прохрипел Эдван. Загадочные переглядывания, улыбки и разговоры этой парочки не просто смутили его, но посеяли беспокойство. Что им надо? Если присутствие капитана отряда он ещё мог как-то понять, то не имел ни малейшего представления, почему пришёл какой-то старик. И где это «там» он мог быть? В загробном мире, что ли?

– Позволь мне слегка пролить свет на происходящее. Ты, должно быть, немного напуган и ещё не совсем пришёл в себя. Извини нас за это, – старик растянул губы в улыбке, которая

была далека от искренности. – Всё дело в том, что ты не просто побывал на пороге смерти, нет. Ты действительно умер. На какой-то короткий миг твоя душа покинула тело, ты зашёл за грань мира живых и тут же вернулся обратно. Проснувшийся дар дал тебе несколько лишних мгновений, чтобы успеть написать знак. Конечно, если бы не множество пилюль и снадобий, которые залили в тебя солдаты, ты бы всё равно погиб, но, к счастью, всё сложилось как нельзя лучше.

Старик широко улыбался, а его глаза блестели так, будто Эдван был каким-то диковинным сокровищем, на которое он страстно желал наложить руки. Похожий блеск наблюдался и в глазах воина. Объяснение старика хоть и пролило немного света на ситуацию, на самом деле посеяло в сердце юноши ещё больше вопросов и сомнений. Увидев выражение лица Эдвана, Марк окинул старика недобрый взглядом и, тяжело вздохнув, поспешил добавить:

– Ты не первый, кто сумел побывать за гранью, – мягко сказал он, – не пугайся этого. Вскоре к тебе придут воспоминания, которые могут показаться чужими. Это нормально. Каждый, кто побывал там, – мужчина поднял указательный палец вверх, – принёс нам великие знания. Это может быть всё что угодно: утерянные рецепты снадобий, магические знаки, даже знания древних наречий. Каждая крупица мудрости окажется ценным вкладом в сохранность нашего Города.

– И эти знания станут твоей платой за спасение жизни, – широко улыбаясь, заключил старик, – как только ты всё вспомнишь и передашь нам, все потраченные снадобья и пилюли окупятся сторицей.

Эдван сглотнул, Марк нахмурился, смерил старика тяжелым взглядом, в котором выразил всё своё неодобрение. Самовольная улыбка на морщинистом лице как-то сама собой увяла, и дедуля медленно отступил в дальний угол помещения.

– Извини за это, – виновато улыбнулся воин. – Господин Фан не должен был вываливать всё на тебя сразу после пробуждения, но и ты постарайся его понять. Последний человек, который побывал за гранью, умер восемьдесят лет назад. С тех пор ты первый. Не переживай по поводу воспоминаний и долгов, сосредоточься на выздоровлении.

Эдван ничего не ответил, лишь рассеянно кивнул. В его голове до сих пор звенели слова старика о долге, который ещё предстоит выплатить. Как только он задумывался над тем, сколько лечебных снадобий истратили на его спасение, ему становилось дурно. Даже слова Марка не могли отвлечь от грустных мыслей. И хоть платой должны были стать знания, которые только предстоит выудить из глубин памяти, Эдван подозревал, что долг он выплатит очень нескоро.

– Не замыкайся на этом, – повторил ещё раз мужчина, – лучше подумай о будущем. Ты теперь в Городе! В самом безопасном месте долины. К тому же ты пробудил дар!

– Да, дар... – горько усмехнувшись, ответил юноша. Его взгляд вновь упал на наручи Марка и его очень смелое прозвище. Такое не может носить обычный воин, пусть даже и капитан отряда...

Пока Эдван размышлял над этим, Марк соловьём разливался о том, как чудесна жизнь одарённого в Городе. О том, что не нужно беспокоиться о еде, жилье и одежде. О поддержке Городского Совета, долгом сроке жизни, о великой силе и возможности защищать жителей от нападений зверей. Всё это юноша слушал вполуха, не придавая словам мужчины никакого значения. Вместо этого он, не отрываясь, смотрел на наручи. Надпись казалась ему немного странной, какой-то неправильной, но, как бы ни пытался, он никак не мог понять, что не так.

– Скажите... – внезапно Эдван прервал монолог Марка, – а вы... охотник?

– Я? – удивлённо переспросил тот, – да. Помимо службы в гарнизоне, я стою во главе одной из охотничьих групп. Время от времени мы выбираемся в лес, отслеживаем и убиваем одарённых зверей. Но как ты узнал?

– Надпись, – пояснил Эдван, указав пальцем на наручи воина, – «Палач зверей».

– Не успел узнать о долге, а уже его отдаёшь! – рассмеялся мужчина. Господин Фан загадочно улыбнулся и хотел было что-то сказать, но не успел: Марк поднялся на ноги и заслонил его своей широкой спиной.

– Выздоровливай и набирайся сил, Эдван, – сказал мужчина, – через месяц начнётся учеба в военной академии. Надеюсь, ты успеешь встать на ноги в срок.

– Что за академия? – не понял юноша.

– Каждый одарённый, вне зависимости от пола и происхождения, обязан пройти обучение и стать защитником города. Поскольку ты теперь с нами, это распространяется и на тебя, – улыбнулся Марк, – выздоравливай! Ещё увидимся!

Попрощавшись, мужчина вытолкнул старика из комнаты и вышел следом, оставляя Эдвана в одиночестве.

Стоило им оказаться на достаточном расстоянии от закрытой двери, как маски дружелюбия моментально исчезли с их лиц.

– Уже начал отдавать, – скривился старик Фан, – как же. Да ему не расплатиться до конца жизни! Твоё счастье, что он действительно оказался шагнувшим за грань, иначе клану Морето пришлось бы пожертвовать немалым количеством ценностей, чтобы погасить твой долг.

– Интуиция меня никогда не подводит, – процедил Марк, гордо задрав подбородок, – но тебе следовало бы поумерить пыл, господин Фан. Вместо того чтобы давить долгом, нам следует проявить немного терпения и дать ему каплю доброты. Тогда юный Эдван будет считать Город своим домом и сам выдаст все воспоминания и секреты без утайки.

– Кто он такой, ребёнок из главной ветви, чтобы я сдувал с него пылинки? Никакого особого отношения этот грязный оборванец не получит, – презрительно фыркнул господин Фан и, взмахнув лапами халата, пошёл прочь, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Марк усмехнулся, глядя на удаляющуюся фигуру в белом халате. Настроить старика против мальчишки оказалось даже проще, чем он думал. Теперь старый хрыч даже не станет пытаться наладить с сопляком хорошие отношения, а значит, добрый капитан будет выглядеть на его фоне куда привлекательней.

«Если я заставлю его присягнуть на верность клану, то, может быть, сумею даже получить контракт... – мечтательно зажмурился Марк и, насвистывая весёлый мотив, пошёл в противоположную от уходящего старика сторону. – Кто бы мог подумать, что решение спасти сопляка станет такой удачей! Теперь, когда его нахождение за гранью подтвердил старый пердун Фан, городской совет обязательно наградит меня. Жизнь налаживается!»

Чего Марк не знал, так это того, что старик видел его маленький план насквозь и втайне посмеивался над надеждами капитана. Впрочем, как-то препятствовать его неумелым попыткам затянуть щенка в слуги одного из великих кланов он не собирался. До этого момента.

Каждый выживает как может – такова суровая правда. Нет ничего удивительного в попытке вчерашнего простолюдина, каковым и был Марк, вытянуть максимум из сложившейся ситуации. Однако чего он не должен был делать, так это пытаться своими неумелыми речами манипулировать им, Шан Фаном! На такое старик попросту не мог закрыть глаза. Конечно, из-за этого маленького инцидента он не станет относиться к сопляку как-то иначе – много чести, но вполне может создать господину Боу небольшие трудности...

Сам Эдван, пребывая в счастливом неведении относительно планов этой парочки, в этот момент изо всех сил пытался разобраться в себе и своих чувствах. Его скорбь по погибшим родным и близким никуда не пропала, а продолжала давить невидимым грузом, стоило ему вновь остаться одному. От холодной пустоты не осталось и следа, в сердце парнишки поселился страх. Страх за собственную шкуру. Он как нельзя лучше осознал, что остался совсем один в городе, где всем нужны лишь знания, сокрытые где-то в глубинах его памяти. Эдван

боялся, что как только выдаст их, его жизнь перестанет представлять для города хоть какую-нибудь ценность, и он вновь окажется где-то за стенами, один на один с диким зверьём. Ведь во всей долине больше не было поселений, где бы он мог спрятаться. Город остался последним оплотом человечества. По крайней мере, других он не знал. Ни отец, ни даже одарённые не могли пробиться за пределы Туманной чащи или пробраться сквозь древнее ущелье Ша-Суул, которое вывело бы их из долины. Никто не знал, что находится за их пределами, но, если судить по количеству тварей, обитающих в глубине леса, ничего хорошего.

При мысли о зверье рана в груди заныла с новой силой. Воспоминания о побеге из леса ярко вспыхнули в разуме Эдвана. Он застонал от фантомной боли, вжался в подушку и стиснул зубы, проклиная свою слабость и трусость. Ненависть поднялась из глубин его души и полностью захлестнула разум. Он вспомнил клятву, данную на бегу и повторил её вновь.

– Вырежу всю их стаю до последней макаки, – злобно прошипел Эдван, сжимая рукой одеяло, – перебью всех до единого, даже если умру сам. Клянусь.

Глубоко вздохнув, Эдван упал на кровать и уставился в потолок. Скрипнув зубами, он заставил себя успокоиться, изо всех сил постарался отбросить скорбь, не позволяя себе вновь упасть в пучину горечи и печали. Отец бы не одобрил такого поведения. Судьба дала второй шанс, и было бы глупо потратить его на литьё слёз по умершим. Он должен... нет, обязан выжать из Города максимум. Развить дар в этой их академии, научиться сражаться и стать настолько сильным, чтобы проклятые твари боялись подойти к нему. Да. И тогда ему больше не будет страшен внешний мир, и никто не посмеет даже задуматься о том, чтобы выгнать его из Города... только так, и никак иначе.

«Надеюсь, знания из-за грани мне в этом помогут, – подумал Эдван и, наморщив лоб, прошептал: – Вот только как же их достать?»

Глава 2. Библиотекарь Шан Фан

В который раз Эдван проснулся в холодном поту и чудом удержался от испуганного вопля. Ему снова снился проклятый медведь. Огромный и злющий, с холодными когтями, что прочнее стали. И каждую ночь эти когти насквозь пробивали его грудь в том месте, где была рана, и он чувствовал холодок внутри, у самого сердца, словно его жизнь могла оборваться в любую секунду. Дошло до того, что в эту ночь он практически не спал, боясь вновь оказаться один на один со свирепым зверем. Увы, болезненное тело победило испуганный разум, и под утро Эдван забылся... на свою беду.

С момента его пробуждения в Городе прошло четыре дня. За это время он так ни разу и не покидал маленькой комнатухи, которая стала для него новым домом. Практически всё время он лежал: или спал, или изо всех сил пытался почувствовать энергию вокруг, ощутить её движение и дыхание, как тогда, на грани смерти, но, увы, ничего не выходило. Единственным человеком, с которым он виделся за всё это время, был невзрачный горбатый мужичок со спутанными волосами, который приходил менять повязки, носил еду, воду и лечебные снаряды. Каждый раз, когда Эдван вынужден был глотать пилюлю или пить странно пахнущее травами варево, он вспоминал слова старика Фана о долге перед Городом, и настроение его сильно портилось, будто, принимая новую порцию лекарства, он всё глубже рыл себе яму.

Да, слова деда крепко засели в голове парнишки, заставив его серьёзно пересмотреть состоявшийся разговор. Подумав, Эдван пришёл к выводу, что страх, поселившийся глубоко в его душе, совсем не безоснователен. От него здесь нужны только знания, которых ещё нет и в помине. О размере долга никто так и не удосужился сказать, что наталкивало на нехорошие мысли. Однако никакого вывода Эдван сделать так и не сумел – слишком мало он знал о городе и о людях, которые в нём живут. Поэтому парнишка принял решение выждать, не показывать своих и без того небольших способностей и знаний, прикинуться на время деревенским дурачком, какового в нём, скорее всего, и видели. До тех пор, пока не поймёт, что к чему.

К сожалению, сведениями с ним никто особо не делился. Его единственный посетитель был очень немногословен. Однако вода камень точит. Несмотря на нежелание собеседника, Эдван всё-таки сумел немножко расшевелить мужичка за три дня перевязок и узнать кое-что об окружающем мире.

Как оказалось, его комнатуха находилась не в какой-то захудалой хибаре, а в лазарете при казармах городского гарнизона, всего в нескольких минутах пути от площади Основателей и академии, а соседями его были тяжелораненые солдаты, которым полагалось длительное лечение и постельный режим. Также мужчина иногда делился сведениями о погоде, городе и в целом о жизни за пределами маленькой конуры, которая представляла для Эдвана целый мир.

В этот раз горбатый почему-то пришёл чуть раньше, чем обычно. Всучив парнишке плошку с кашей, мужчина принялся вытаскивать из сумки лекарства.

– Два дня назад вернулся Коготь Кланов, – невзначай обронил он.

– Кто?

– Коготь. Элитный отряд из сильнейших одарённых, – пояснил горбатый, – с победой пришли. Зачистили леса от проклятых тварей.

– Ясно... – буркнул Эдван. Его сердце кольнуло сожаление.

«И почему они не сделали этого на том проклятом холме?» – подумал он, услышав слова мужичка.

– Сказали, что за два дня до возвращения перебили стаю обезьян. Подумал, ты захочешь узнать, – сказал горбатый и, забрав старые бинты, удалился.

Эдван лишь тяжело вздохнул. Судьба жестока. Если бы Коготь кланов наткнулся на обезьян раньше, ничего бы не произошло. С другой стороны, какая-то часть Эдвана радовалась

смерти проклятых тварей, будто бы крича: «Так им и надо!» – но в то же время он сожалел, что не смог перебить их своими руками. Будь у него возможность, он бы перерезал горло каждой. Немного подумав, Эдван утешил себя тем, что поклялся истребить вообще всех обезьян в округе, на случай, если хоть кому-то из той проклятой стаи удалось удрать от Когтя Кланов.

Через четыре часа, когда время перевалило за полдень, в комнату легонько постучали. Паренёк подобрался – там был кто-то новый. Горбатый стучался довольно тихо, робко. Этот же гость заявлял о себе уверенно, словно не сомневался в том, что ему разрешат войти. Или совершенно не беспокоился об этом.

Не успел Эдван хоть что-то ответить, как дверь скрипнула, и на пороге показался старый знакомый. Господин Фан собственной персоной, в таком же белом халате, в каком Эдван видел его во время первой встречи, и с каким-то крупным свёртком в руке. Дедуля лучезарно улыбался ему, но гримаса эта была настолько натянутой и неискренней, что юноша невольно вжался в подушку, приготовившись услышать всё что угодно.

– Доброго дня... – старик сделал короткую паузу, на секунду задумавшись, – Эдван, верно?

– Да, – осторожно кивнул юноша и, сложив руки вместе, легонько поклонился в знак приветствия.

– В прошлый раз нам не удалось пообщаться поближе. Позволь представиться: меня зовут Шан Фан, я являюсь одним из семи хранителей знаний нашего Города. Ты, должно быть, гадаешь, зачем я здесь, не так ли? – старик продолжал улыбаться, хотя его глаза были холодны как лёд. Эдван легонько кивнул. – Я хочу провести небольшой эксперимент. В прошлую нашу встречу я заметил, что ты грамотен. Скажи, тебя обучили читать в вашей деревне или...

– Меня научила мать. Ну... читать, писать, считать. Отец был городским старостой, у нас даже книги хранились, – ответил Эдван, перебив гостя.

– Прелестно. Тогда, пожалуй, не будем тянуть, – старик уселся на табурет у кровати и вынул из-за пазухи тонкую, грубо стянутую книжечку, которую протянул юноше. – Вот, возьми. Знакома ли тебе эта книга?

Эдван бережно принял ее, провёл пальцами по грубой бумаге. Юноша аккуратно перелистнул страницу, и из его груди вырвался тяжелый вздох, а губы тронула грустная улыбка.

– Знаешь её, верно? – улыбка, казалось, приросла к лицу старика, будто гипсовая маска, и выглядела довольно устрашающе.

– Да, – хрипло ответил Эдван. Книгу он знал. Это были «Легенды лет минувших». Мать учила его чтению в детстве именно по ней... ну, или по похожей. Текст немного отличался от привычного – был более высокопарным, что ли, но, без сомнения, это всё ещё именно та книга.

Он хотел было продолжить читать, но старик ловко вытянул «Легенды» из рук Эдвана и спрятал у себя за пазухой. После он развернул свёрток и вынул оттуда толстую книгу с обложкой из кожи, которую очень бережно передал юноше в руки. Шан Фан относился к предмету с особым почтением, словно это была важная реликвия, и Эдван смекнул, что ему стоило бы отнестись к ней так же. С величайшей осторожностью он принял книгу и тут же изо всех сил напряг ослабевшие руки, чтобы не уронить. Аккуратно положив фолиант к себе на колени, он прочёл надпись на обложке. Она гласила: «История сотворения мира и атры».

– Можешь прочесть её для меня? – попросил Шан Фан, подавшись вперёд.

Эдван не мог видеть ужасное нетерпение и неподдельный интерес старика, скрытые за маской ужасающей улыбки, но это не помешало ему смекнуть, что где-то здесь таится странный, неуловимый подвох. Интуиция недвусмысленно говорила, что надо быть осторожнее, породив странное, щемящее чувство где-то в груди. Вздыхнув, Эдван бросил попытку найти скрытый смысл и, помня своё решение не показывать всех своих способностей сразу, принялся читать так, как подобает едва грамотной деревенщине. По слогам.

– Ис-то-ри-я, со-тво-ре-ни-я... ми-ра и ат-ры, – произнёс он вслух и раскрыл книгу.

Быстренько пробежавшись глазами по первым строкам, Эдван нахмурился. Что-то было не так. Чувство неправильности назойливым червём въедалось в голову, заставляя юношу всё пристальнее и пристальнее вглядываться в строчки, чтобы понять, почему они вызывают у него такое странное ощущение. Однако, как бы он ни всматривался в текст, никак не мог понять, что же не так. Книга читалась легко, в разы легче, чем предыдущая. Парень поймал себя на мысли, что делает это даже быстрее, чем обычно! И понимает куда больше слов!

«Может быть, в этом и странность? – спросил Эдван сам себя, задумавшись. – Почему старик попросил меня прочесть её для него? Может, это какая-то особая книга? Да нет, вроде бы написано как обычно...»

– Текст кажется тебе странным, и ты сейчас изо всех сил пытаешься понять, почему, не так ли? – подал голос Шан Фан, усмехнувшись. Не дожидаясь ответа, он вынул из-за пазухи «Легенды лет минувших», раскрыл её на первой странице и небрежно бросил перед Эдваном на кровать.

Вначале юноша не увидел разницы, но стоило ему приглядеться чуть повнимательнее, как его глаза расширились от удивления. Знаки в тексте были другими! Совершенно! Как будто книги были написаны на двух разных языках...

Стоило этой мысли пронестись в его разуме, как глубоко внутри черепа что-то щёлкнуло. В тот же миг голову пронзила боль, словно туда на одно мгновение вонзили десять тысяч иголок. Парнишка дёрнулся, как от удара, книга сползла с колен на соломенный матрац.

– *Что это за язык?* – произнёс он хрипло. Улыбка Шан Фана стала намного шире, а в глазах появился радостный блеск. Эдван осёкся. Он вдруг понял, что сказал эту фразу не так, как хотел, и, слегка успокоившись, повторил это на том языке, на каком привык.

– Как ты уже, наверное, догадался, это знание пришло к тебе из-за грани. Я понял это ещё тогда, когда ты прочёл надпись на наручах Марка, и просто хотел убедиться. Это язык древних царств, как мы его называем. На нём люди говорили задолго до основания города. У нас есть несколько книг из тех давних времён, в которых, возможно, сокрыты великие знания, и мы, хранители, по мере своих сил переводим их и пытаемся вытащить оттуда все крупницы древней мудрости. Я понимаю, что твоё знание языка не идеально, – Шан Фан предупреждающе поднял руку, когда Эдван собирался что-то сказать, – всё-таки даже я читаю на нём быстрее, однако ты восьмой человек в Городе, который вообще обладает такой способностью, и, возможно, тебе откроется значение слов, которые мы давным-давно не можем расшифровать.

– То есть вы хотите, чтобы я перевёл эту книгу?

– Нет, что ты, – махнул рукой Шан Фан, – это просто сборник сказок. Если ты прочтёшь её внимательно, то поймёшь, что «Легенды лет минувших» – это первые семь глав «Истории», которые перевели давным-давно. Просто это единственная книга, которую можно выносить из библиотеки. Особой ценности, по сравнению с другими, она не представляет, – сказал он, – но это ещё не значит, что ты будешь относиться к ней без должного уважения, – поспешил добавить старик, впервые за весь разговор сурово нахмутив брови.

Эдван встрепенулся, быстро поднял книгу с соломенного матраца и вновь аккуратно поместил её на колени.

– А почему только семь глав? – спросил он.

– Потому что никто не станет тратить силы на сказки, когда есть, например, древний сборник рецептов снадобий. По ней мы учимся переводить. К тому же... – старик тяжело вздохнул, – вторая её половина написана на неизвестном нам языке. Когда-то мы думали, что там таится великая мудрость или зашифрованное послание, но... это маловероятно. В конце концов, всё, вплоть до последней известной нам строчки – лишь старые сказки. Конечно, если тебе вдруг удастся понять, что там, мы будем очень рады. Но даже если нет... ничего страшного. Можешь считать это первым заданием. Как только ты освоишься с языком, я принесу тебе переписанную страницу с рецептом из важной книги, которую ты должен будешь перевести.

Не забывай о том, как много лечебных снадобий ушло на спасение твоей шкуры. Ты должен быть благодарен нам за свою жизнь, еду и кров.

– Я благодарен, – ответил Эдван, поклонившись, чтобы старик не увидел его улыбки, больше похожей на оскал загнанного зверя. Эти слова дались ему с большим трудом.

– Чудесно, – старик поднялся с табурета, не забыв спрятать «Легенды лет минувших» за пазуху. На его лицо вернулась широкая и совершенно не искренняя улыбка. – Как ты себя чувствуешь? Рана уже не болит?

– Ещё немного побаливает, – ответил Эдван, сбитый с толку внезапным вопросом старика, – но уже лучше.

– Хорошо. Надеюсь, ты скоро выздоровеешь. Я прикажу, чтобы тебе носили побольше пищи. Насколько я знаю, лекарь уже разрешил тебе питаться полноценно.

– Спасибо.

Вместо ответа старик лишь легонько кивнул.

– Я зайду к тебе вновь через три дня. Надеюсь, к тому времени ты успеешь вспомнить магический знак, который спас тебе жизнь. Он бы очень помог нашим воинам во время походов в Туманную чашу...

Не прощаясь, он вышел из комнаты, оставив юношу с книгой. Эдван вздохнул, глядя на закрытую дверь. Эта неожиданная забота о нём показалась ему слегка странной. С другой стороны, Шан Фан раскрыл ему знание из-за грани, о котором Эдван даже не подозревал до сего момента. Раньше он думал, что надпись на браслете Марка была выгравирована на обычном, известном всем языке, а не на древнем наречии. Да и книга...

Бережно перелистнув страницу древнего фолианта, Эдван улыбнулся. Старик Шан Фан оказался не таким уж и плохим дядькой. Да, эта его вымученная улыбка и холодный взгляд любого могли заставить почувствовать себя не в своей тарелке, но зато он был честен. А честность Эдван уважал. Он сам был довольно прямым человеком и не слишком-то хорошо врал, стараясь вместо этого просто отмолчаться или как-то иначе скрыть правду. Но также он знал, что существуют люди, для которых лгать не моргнув глазом проще, чем дышать, и те, кто плетёт всякие хитрые интриги для достижения каких-то целей, как одна из старух в его деревне. Но Шан Фан был с ним честен... в какой-то мере. Он сразу сказал, что ему нужно, и так же прямо напомнил о долге. И хоть Эдвану было неприятно это слышать, глубоко внутри он оценил отношение...

Прочитав название книги ещё раз, Эдван нахмурился. Сейчас, вспоминая разговор с господином Фаном, он вдруг задумался, почему тоненькая книга, которую он читал в детстве, называлась «Легендами лет минувших», если оригинал был «Историей». Должна же быть разница между «историей» и «легендой», верно? Сотворение мира и атры... да, возможно, эта книга скрывает в себе нечто большее, чем просто сборник сказок. Шан Фан даже говорил о чём-то таком.

Эдван вздохнул. Конечно, она скрывает. Старик и другие хранители знаний, должно быть, уже знают все секреты первой половины книги, которые ему предстоит понять. Может быть, в этом и была цель? Чтобы Эдван сам разглядел зерно истины в сборнике сказок, как его обозвал старик Фан? Как-никак, он хотел заставить его переводить книги, а в этом деле без смекалки не обойтись. Тряхнув головой, юноша вновь погрузился в чтение.

Он пробежал глазами первую легенду о великом герое древности, что стоял на страже человеческих городов и в одиночку сражался с полчищами ужасных тварей. Эту историю про великого воина он знал почти наизусть – о том, что в час беды, когда звери соберут несметную орду и пойдут войной на город людей, явится герой и встанет у них на пути. Знал он и шесть следующих историй, которые очень быстро пролистал, не обращая большого внимания на мелкие различия в деталях между тем, что он помнил, и содержанием книги. Вместо пере-

читывания того, что уже знал, он решил посмотреть на ту часть, что была ему ещё не известна. Ту, которую не переводили...

Открыв восьмую главу, Эдван слегка опешил, поскольку называлась она точно так же, как и сама книга. Заинтересованный новой, неизвестной доселе историей, он принялся читать...

«В самом начале, когда не было ни земли, ни неба, ни атры, существовало лишь Великое Ничто. Вечное, незыблемое. Ничто не нарушало его бесконечно долгий покой до тех пор, пока не появился Творец. Никто не знает ни откуда он пришёл и как появился, ни истинных его замыслов. Об этом мы, смертные, можем строить лишь смелые догадки. Куда важнее то, что случилось после...»

Первой творец создал Атру – энергию, что пронзает и наполняет всё сущее, которую он запустил во все уголки Великого Ничто, наполняя его до самых краёв. Словно расчищая землю перед постройкой дома, он уничтожил Великое Ничто, заполнив его своей силой. И словно закладывая фундамент будущего дома, как основу всего мироздания, Творец создал три великие силы: Пространство, Время и Пустоту...»

Эдван удивлённо вздохнул. Он хорошо помнил рассказ матери о том, как Создатель сотворил четыре стихии и из них соткал мир, который потом населил самыми различными живыми созданиями. Эта легенда казалась ему стройной, в ней не было ничего лишнего или странного, но прямо сейчас он узнал, что, помимо стихий, оказывается, существовали и другие силы.

– Фундаментальные... – пробормотал Эдван, пробуя на вкус новое слово. Он не до конца понимал его значение, но оно ему очень понравилось. Юноша чувствовал необъяснимую тягу к этой истории, к новым знаниям – такую сильную, какой не ощущал никогда до этого. Он как будто всю жизнь прожил в тумане, который только-только начал рассеиваться, позволяя ему хоть одним глазком посмотреть на то, что было скрыто. И теперь Эдван просто не мог остановиться до тех пор, пока не рассмотрит всё до мельчайших деталей!

Глава 3. Мир за порогом комнаты

Медленно потянулись дни. Постепенно здоровье Эдвана поправлялось. Перестала чесаться страшная рана в груди, исчезла слабость. Теперь он даже мог подняться с кровати и обойти свою комнату по кругу без посторонней помощи. Руки и ноги, правда, до сих пор казались ему обтянутыми кожей палками, но на лице, по словам горбатого, уже появился здоровый румянец, и оно перестало выглядеть так болезненно.

За несколько дней Эдван осилил всю первую часть книги, которую ему дал господин Фан. Правда, никому рассказать о своих успехах не мог. С той скоростью, которую он показал старому библиотекарю, чтение должно было затянуться надолго, поэтому Эдван предпочитал о своём прогрессе помалкивать и всегда старался держать книгу закрытой в присутствии других людей.

Шан Фан, как и обещал, вернулся через три дня. Старик вручил Эдвану небольшой лист бумаги с записанным на нём рецептом какого-то снадобья, оставил наказ перевести его, вытянул из парня информацию о магическом знаке, снова напомнил про огромный долг за спасение жизни и ушёл, не попрощавшись. После его ухода у Эдвана остался крайне мерзкий осадок на душе. Он чувствовал себя так, словно его просто использовали, и лишь сильнее утвердился в своих подозрениях и домыслах. Широкая улыбка, спокойная речь и добрые слова Шан Фана больше не действовали на него, и та искорка доверия и уважения, что зажглась в нём во время прошлого визита старика, окончательно потухла. Да, дед всё так же был честен, но в голову паренька закрались подозрения, что ценность его знаний намного выше тех зелий, которые в него влили. К тому же, несмотря на все слова о долге, он до сих пор не назвал его точной величины...

Эдван решил, что раз уж его решили использовать, он будет делать то же самое. Будет и дальше придерживаться старой стратегии и, даже если вдруг вспомнит что-то «из-за грани», точно не побежит сразу рассказывать старику, а вначале оценит полезность этих знаний лично для себя. По крайней мере, до тех пор, пока не разберётся, что к чему.

Перевод рецепта он, разумеется, решил делать так долго, как только возможно. Правда, реальность оказалась хитрее его маленького плана. Рецепт был слишком сложным. Несмотря на то, что он мог с лёгкостью прочитать страницу текста, понять написанное было выше его сил, ведь одно дело читать старые легенды, а другое – рецепт древнего снадобья, где перечислены странные названия растений, которых он в жизни не видел, и слова, которые никогда не слышал ни на одном из двух языков. Процесс закончился, не успев начаться.

Эдван записал на лист бумаги то, что сумел понять, и с чистой совестью отложил перевод в сторону, напроочь о нём забыв. Постепенно пребывание в комнатухе стало невыносимым. Он чувствовал себя словно в темнице и изнывал от скуки. Старый библиотекар, казалось, бросил его! Шан Фан не появился ни через три дня, ни через неделю, ни даже через две, и единственным собеседником Эдвана всё это время был горбатый мужичок, который каждый день приходил менять повязки да приносил еду и разные снадобья. Всё остальное время парень был предоставлен самому себе.

Он всё так же пытался почувствовать разлитую в округе атуру, и у него всё так же ничего не выходило. Даже кошмары с проклятым медведем исчезли из его головы, и казалось, будто древний язык и странный магический знак были всем, что он получил из-за грани. Это казалось очень обидным, и тягостные мысли заполнили его голову. Однако в начале четвёртой недели его пребывания взаперти горбатый мужичок принёс радостные вести – это было подобно дневному свету, что пробился сквозь дождевые тучи. Сам лекарь желал видеть его у себя.

Сердце Эдвана забилося быстрее от предвкушения. Опираясь на плечо своего спутника, он преодолел порог, отделяющий его комнату от длинного коридора, и мурашки пробежали по

спине, когда он почувствовал ласковое дуновение ветра на коже. В конце коридора показалась открытая дверь на улицу...

Увы, попасть туда Эдвану было не суждено. Не сейчас. Горбатый провёл его мимо шести закрытых дверей, за которыми скрывались такие же маленькие комнатки, как и та, где лежал сам юноша. Они свернули направо, миновали пустой зал с множеством кроватей и вошли в кабинет лекаря. Посещение прошло намного быстрее, чем Эдван себе представлял. Высокий мужчина с суровым взглядом придирчиво осмотрел его рану, объявил, что он теперь здоров, после чего выдал последнюю бутылку со снадобьем и велел проваливать отсюда.

– И чтоб комната к вечеру была чистой! – крикнул лекарь горбатому, когда они поворачивали обратно в коридор с комнатами для тяжелораненых.

– Не волнуйся, на улице не окажешься, – поспешил успокоить паренька мужчина, – сам господин Боу пришёл вчера и передал мне ключ от твоего нового дома.

– Господин Боу?

– Капитан Марк Боу, – терпеливо пояснил горбатый, – он приходил к тебе в первый день...

В голове Эдвана тут же всплыл образ мужчины и двух браслетов, благодаря которым и проявилось его знание древнего языка.

– Да, я помню.

– Тебя поселят в академии, – вздохнул горбатый с толикой зависти, – в отдельной комнате! Как если бы ты был членом одной из трёх великих семей!

– Трёх семей? – не понял Эдван.

– Да. Трёх кланов-основателей нашего великого Города! – с гордостью и блеском в глазах сказал горбатый, отчего даже немного выпрямился. – Клан Линн, Джоу и Морето. Столпы, на которых держится наше благополучие! Только ученикам из этих семей или из родов их вернейших вассалов позволено иметь отдельные комнаты. Остальные живут группами.

– С чего же мне такая честь... – пробормотал Эдван. Внутренне он ещё глубже уверился в том, что это лишь показная забота, чтобы вытянуть из него знания.

– Наверное, чтобы прочие ученики не совали нос в книги, что ты переводишь для господина Фана, – высказал самую очевидную причину горбатый.

Мужчина понурил плечи, сгорбившись ещё больше. Зависть больно уколола его прямо в сердце. Ведь, попав в академию, да ещё и в отдельную комнату, юноша наверняка столкнётся с учениками из благородных семейств! А для него, бедняка без капли дара, вынужденного влачить своё существование, прислуживая в лазарете, приобщиться хоть немного к одной из великих семей было пределом мечтаний! Пределом, которого уже достиг никому не известный мальчишка из деревни только потому, что чуть не умер и мог читать на древнем наречии. И имел дар. Да... именно наличие дара отделяло их друг от друга непреодолимой пропастью. Небеса так несправедливы...

Горбатый вздохнул, очень грустно и очень тяжело, разом постарев на несколько лет. Эдван посмотрел на него, удивлённый такой резкой сменой настроения, однако, как ни гадал, так и не сумел понять её причины. Мужчина смерил паренька колючим взглядом, немного помолчал и потянул обратно к комнате, которую требовалось освободить к вечеру.

Сбор вещей не занял много времени: все пожитки Эдвана уместились в маленький мешок, который горбатый закинул к себе на спину, после чего, заперев комнату, повёл юношу к новому жилищу. Миновав уже знакомый коридор с палатами для тяжелораненых, Эдван наконец-то попал на улицу.

Впервые за всё время жизни в городе горбатый испытал крайне странное и незнакомое ему чувство – жгучий стыд, но не за себя, а за другого человека. Эдван вёл себя как слепой, который научился видеть. Он вертел головой во все стороны и восторгался практически всем, на что падал его взор. Огромный забор, ограждающий лазарет, само большущее здание,

оживлённая улица, на которой болталось множество людей, проходящий мимо отряд стражи с копьями наперевес.

А когда они подошли к площади перед Военной академией... статуя великих основателей в её центре произвела на паренька куда большее впечатление, чем сам комплекс зданий за огромным забором. Эдван даже заставил горбатого остановиться перед монументом, чтобы как следует рассмотреть его, а прохожие со снисходительными усмешками поглядывали на эту парочку, застывшую в самом центре площади.

Но Эдван, казалось, совсем не замечал этих взглядов. Он ещё никогда не видел статуй – в его деревне их просто не делали. Некому. Здесь же... монумент трём основателям города выглядел очень величественно. Суровые мужчины в доспехах, что стояли в героических позах, словно готовясь защитить академию за их спинами от любой напасти. Имена этих людей были выгравированы на постаменте – что примечательно, на древнем языке.

«Интересно, знали ли они, что их потомки утратили столь ценное знание, или язык канул в небытие ещё до основания города?» – задумался Эдван, глядя на монумент. Ему почему-то показалось, что имена глав кланов вывели этими давно мертвыми буквами исключительно для того, чтобы подчеркнуть их древность и престиж монумента, а не потому, что памятник сделали в то время, когда язык был в ходу. Иначе как бы он мог утратиться, если на нём говорили все поголовно?

Насмотревшись, Эдван подтолкнул горбатого к воротам академии. Место, где ему предстояло обучиться управлять собственным даром, тоже произвело на паренька сильное впечатление, хоть и не такое, как статуя. Больших домов в городе было в достатке и без академии, хотя выше трёх этажей он пока что ничего не видел. Миновав ворота, они прошли по широкой дороге между двумя длинными двухэтажными домами и попали в главное здание. Народу здесь, в отличие от площади, было куда меньше. Обучение ещё не началось, коридоры пустовали, и лишь редкие одарённые, проходящие мимо, бросали на юношу и горбатого любопытные взгляды. Там они заглянули к какому-то седому старику в белых одеждах, с которым горбатый перебросился парой фраз, пока Эдван рассматривал высокий потолок и сам кабинет. И именно по причине излишнего любопытства к замысловатому орнаменту на стенах, напоминающему выходящее растение с множеством острых листьев, он так и не запомнил путь до собственной комнаты.

Горбатый довёл его до двери под номером девять на втором этаже, в самом конце длинного коридора. Вручил ключ, небольшой мешок, в котором таскал пожитки паренька, и, попрощавшись с вымученной улыбкой, поспешил откланяться, оставляя Эдвана стоять одного посреди опустевшего коридора.

Вздыхнув, парень отпер дверь и, с трудом подняв мешок, вошёл внутрь. Его взору предстала довольно просторная и практически пустая комната. Только небольшой столик в углу да сундук для вещей. Ничего лишнего. Вздыхнув, Эдван положил мешок с вещами на стол и, кряхтя, устроился на полу у сундука, рассчитывая найти там ещё что-нибудь. Надежды его оправдались: внутри обнаружилась циновка для сна и широкий кусок ткани, которой можно было укрыться ночью. Действительно, ничего лишнего.

В своей комнате Эдван просидел не так уж долго: желудок предательски потребовал пищи, и ему пришлось покинуть убежище в поисках места, где бы можно было поесть. Побродив по пустым коридорам на втором этаже, он всё-таки отыскал лестницу, спустился вниз и попросил помощи у первого попавшегося прохожего. Им оказался высокий мужчина с крайне надменным лицом, одетый в черный халат. Смерив Эдвана взглядом, от которого парнишке стало не по себе, он хмыкнул и ушёл, не сказав ни слова.

Буркнув себе под нос проклятье по адресу ублюдка, Эдван решил снова попытать удачу. На этот раз остановив какого-то юношу, он поспешил сказать, что только-только поселился и

ещё ни в чём не разбирается. Ученик посмотрел на Эдвана крайне удивлённо, но в ситуацию вник и без лишних вопросов указал путь до столовой.

После обеда Эдван бесцельно бродил по комплексу ещё несколько часов, пока, наконец, не отыскал путь обратно к своей комнате. Едва увидев заветную цифру, он тут же поспешил забраться внутрь и крепко запереть дверь. Академия казалась ему страшным местом. Слишком большим, слишком незнакомым и... очень холодным. Находясь здесь среди других людей, Эдван почувствовал себя невероятно одиноко. Наверное, ещё более одиноко, чем в маленькой конуре, в которой провёл почти месяц. Там он ощущал хоть какую-то заботу со стороны горбатого, который приходил каждый день, но здесь... Здесь он оказался сам по себе. Люди были другими, не как в его родной деревне. Они будто не замечали его, разговаривали между собой и всегда очень холодно смотрели, когда он подходил поближе. Кто-то вообще не останавливался, как тот надменный в чёрном халате... словно он попал в другой мир, отстраненный и безразличный.

Эдван вздохнул. Он, конечно, подозревал, что дело могло быть в одежде. Всё-таки выглядел он как последний оборванец, который по какой-то причине оказался в стенах академии раньше срока. К тому же без формы, которую выдавали ученикам. А может, просто здесь было не принято общаться с чужаками...

Парень скрипнул зубами. Что-то ему подсказывало, что обучение путям атры не будет столь гладким, как он себе представлял. А ведь оно, если верить словам Марка, начнётся всего через несколько дней!

Глава 4. Пёс в волчьей стае

Громкий стук в дверь заставил Эдвана испуганно подскочить на циновке от неожиданности. Спросонья он даже не сразу понял, как оказался в комнате, если ещё несколько мгновений назад удирал от огромного медведя, и почему кто-то уже ломится к нему? Моргнув, паренёк взглянул в окно: небо ещё не успело толком просветлеть. Интересно, кому не спится в такую рань? Стоило этой мысли пронестись в голове, как стук повторился, в этот раз куда настойчивей, чем в прошлый раз. Вздыхнув, Эдван поднялся на ноги и поспешил открыть нетерпеливому гостю.

– Небо светлеет, боец! Почему ещё не на ногах?! – жизнерадостно пробасил смутно знакомый голос откуда-то сверху. Подняв голову, Эдван увидел усатое лицо огромного воина.

– Приветствую, господин Марк. Лекарь велел мне побольше спать, пока тело не восстановится полностью, – слегка хриплым голосом пробормотал юноша.

– Чушь! Плотный завтрак и хорошая тренировка с самого утра – вот что поможет тебе быстро прийти в форму. Скоро начнёшь бегать быстрее, чем от тех обезьян! – сказал воин, не заметив, что Эдван дёрнулся от его слов, как от удара хлыстом. – Хотя тренироваться тебе действительно ещё рановато. Давай за мной!

Широко зевнув, парень вышел в коридор, закрыл за собой дверь и без лишних вопросов двинулся вслед за Марком. Особого выбора у него не было, а развязывать разговор Эдвану не хотелось – он боялся, что воин вновь начнёт вспоминать тот злосчастный день, о котором юноша предпочёл бы не думать. Однако отсутствие вопросов и интереса к общению воина совершенно не заботило. Он преспокойно начал болтать о погоде и последних событиях. Извинился, что не навещал, потому что уходил на охоту. Рассказал об ещё одной вылазке Когтя Кланов и о том, как они всей группой уничтожили целых двух одарённых тигров, из чьих когтей городские умельцы потом сделали оружие. Похвастался тем, что шкуру повесили в одной из казарм, а головы отправились в зал трофеев элитного отряда. Петляя вместе с Эдваном по коридорам академии, Марк поинтересовался у парня, как прошёл месяц, не вспомнил ли он чего нового и не приходил ли к нему старик Фан.

Постепенно совершенно искренняя улыбка Марка, его разговор и забота всё-таки сумели пробиться сквозь стену подозрения Эдвана, и тот заговорил. Рассказал о древнем языке и переводе и даже, неожиданно для самого себя, об опасениях по поводу академии, на что воин лишь рассмеялся.

– Не переживай, юнец! Первые дни всем трудно! Скоро академия станет тебе родным домом, вот увидишь! Так же, как стала когда-то мне.

Ударившись в воспоминания, Марк начал рассказывать историю из своей молодости, когда он сам ещё был неопытным мальчишкой, только-только обнаружившим в себе дар. За рассказом Эдван даже не заметил, как они покинули территорию академии, миновали площадь Основателей, прошли мимо лазарета и очутились посреди казарм гарнизона. Марк привёл его к какому-то невзрачному длинному барaku с тёмной дверью. Внутри обнаружилась маленькая комнатка, в которой прямо за столом дремал старик в чёрном халате.

– Чем могу помочь, господин Боу? – встрепенувшись при появлении воина, спросил тот, даже не посмотрев в сторону Эдвана.

– Мне нужно три комплекта формы для этого молодого бойца! И не забудь про обувь.

Старик смерил Эдвана слегка презрительным взглядом, но вслух ничего не сказал и, кивнув, скрылся за дверью где-то в глубинах здания.

– Не смотри так – это просто форма, – с улыбкой сказал Марк. – В академии вам тоже что-то выдадут, но это случится через несколько дней. Не будешь же ты ходить в этих грязных лохмотьях из лазарета всё это время, верно?

– Спасибо, господин Боу, – Эдван согнулся в поклоне, выражая благодарность и уважение воину.

– Пустяки, – отмахнулся он, – но будь готов. Это одежда солдата – она грубая, но довольно прочная и неплохо усиливается атрой. Когда начнешь учиться, не придётся постоянно штопать дыры.

Эдван серьёзно кивнул. Старик вернулся через несколько минут, вывалив на стол перед парнем три аккуратно сложенных комплекта одежды и целую пару соломенных сандалий. По совету Марка юноша переоделся прямо тут, на складе. Ткань и вправду оказалась грубой и плотной, Эдвану было в ней довольно неудобно: одежда почти царапала кожу и была ему великовата, несмотря на то, что старик подобрал самый маленький размер. Всё-таки шили для солдат, а не скелетов. Впрочем, жаловаться он не собирался. Выглядел его новый наряд в разы лучше старого: теперь Эдван щеголял в чёрных штанах и широкой серой рубашке, подпоясанной чёрным поясом.

– Готов? А теперь пошли, у нас не так много времени!

Эдван вздохнул, быстро сложил в выделенный ему стариком мешок всю одежду, взвалил поклажу на плечо и вышел вслед за Марком, не забыв попрощаться. Воин двигался быстро, и вскоре парень начал безнадежно отставать. С мешком на плече он попросту не мог поддерживать такую скорость. Увидев это, капитан фыркнул и, даже не спрашивая, просто забрал у юнца поклажу и понёс сам, да настолько непринуждённо, словно та вообще ничего не весила. Эдвану оставалось лишь стыдливо плестись следом.

Они вернулись обратно в академию, и теперь все встречные провожали Эдвана заинтересованными взглядами. Да, в них всё ещё была холодность, но теперь, когда окружающие видели, с кем идёт новичок, никто не осмеливался смотреть на него с презрением. Наоборот, чуть ли не каждый проходивший мимо ученик гадал, кто же он такой и почему с ним возится сам господин Боу. А господин Боу как будто не обращал на эти взгляды никакого внимания и непринуждённо болтал с Эдваном, пока они шли, рассказывал о том, как сам постигал пути астры и сколь усердно работал, чтобы стать тем, кто он есть сейчас.

– Тренируйся усердно, и когда-нибудь ты тоже станешь сильным воином и, возможно, сможешь присоединиться к одной из великих семей, как я! – важно подняв указательный палец, сказал Марк Боу. – Это очень большая честь. Помни об этом!

В ответ Эдван лишь улыбнулся и ничего не сказал. Ему ещё рано было задумываться над тем, чтобы присоединиться к какой-то там семье, когда он даже толком не овладел своим даром. Всё, что интересовало Эдвана в данный момент, – это обучение и разгадка тайн собственного разума.

Марк завёл юнца в глубь западного крыла главного здания и остановился, когда они добрались до самой последней двери в длинном коридоре. Воин постучал так же громко и уверенно, как и в комнату Эдвана. Через минуту створка отворилась, и на пороге возник мужчина в чёрном халате! Тот самый человек с надменным лицом, с которым Эдван столкнулся вчера! Он смерил паренька холодным взглядом, после чего посмотрел на Марка и легонько приподнял бровь.

– Чем могу быть полезен, господин Боу? – ледяным тоном поинтересовался мужчина. Его голос был довольно глубоким и каким-то излишне спокойным. Безжизненным. От одной этой фразы у Эдвана по спине пробежали мурашки.

– Я пришёл сообщить вам радостную новость, господин Ганн, – воин вытянул из-за пазухи сложенный вдвое листок и передал его мужчине в чёрном, – в вашу группу будет зачислен ещё один ученик.

– Насколько я помню, распределение уже прошло, – холодно заметил Ганн, разворачивая бумагу. Он пробежался взглядом по тексту, и его щека дёрнулась в лёгком раздражении. Маска бесстрастия дала трещину. Ганн скосил глаза на Эдвана, оглядел того с ног до головы, ничего

не сказал и, спрятав листок за пазуху, кивнул Марку. – Да будет так. После второго гонга он должен быть вместе со всеми на четвёртой площадке.

Попрощавшись коротким кивком с воином, Ганн закрыл дверь, не удостоив Эдвана и лишним взглядом. Фыркнув, Марк потянул юнца обратно. После этой короткой встречи желания разговаривать у него поубавилось, поэтому до лестницы на второй этаж они дошли практически молча. Там воин снял с плеча мешок и вернул его юноше.

– Ну, вот и всё. Сегодня у меня ещё много дел, поэтому здесь я с тобой прощаюсь. Мастер Ганн может быть немного холоден – не обращай на это внимания. Ты привыкнешь, – улыбнулся Марк. – Не забудь прийти на четвёртую площадку в день начала обучения!

– До свидания, господин Боу! – Эдван с уважением поклонился воину. – Спасибо за всё.

– Пожалуйста. До встречи! – мужчина махнул рукой на прощание и быстрым шагом покинул здание академии, а юнец, взвалив тяжёлый мешок с вещами на плечо, медленно поковылял к своей комнате.

На душе у Эдвана стало куда легче. Марк произвёл на него очень хорошее впечатление. Особенно юноша был благодарен ему за одежду и простое общение, которого так не хватало в последние дни. Целый месяц взаперти сказался на состоянии Эдвана довольно сильно. Впрочем, несмотря на проявленную доброту и столь желанное общение, никаких иллюзий по поводу Марка Боу парень не питал. После общения с Шан Фаном он прекрасно понимал, что Марку, скорее всего, тоже нужны лишь его знания из-за грани и ничего больше. Вот только, в отличие от старика Фана, воин напрямую об этом не говорил, предпочитая несколько другой подход. Помощь и добро в обмен на знания...

Несколько дней до начала учебы пролетели практически незаметно. Эдван так ни с кем и не познакомился, но уже хотя бы не чувствовал себя в этом месте лишним и презируемым. Он гулял по академии, исследовал различные её уголки, не заходя, впрочем, куда не следует. Нашёл ту самую площадку, о которой говорил господин Ганн, узнал о том, что до столовой можно добраться и более короткой дорогой.

И вот утром четвёртого дня сквозь сон Эдван услышал звук гонга. В его голове тут же возник образ огромного металлического диска, который висел во внутреннем дворе главного здания академии и растаял, вновь сменившись чудесной пеленой сна. Вставать не хотелось – за прошедшие дни юноша так и не научился просыпаться рано, организм требовал отдыха, чтобы восстановиться. Пролежав несколько минут в состоянии сонной полудрёмы, Эдван вдруг встрепенулся. Мысль, подобно электрическому разряду пронеслась сквозь его голову, заставляя подскочить с кровати. Гонг! «Точно! Сегодня первый день обучения!» – вспомнил Эдван и принялся лихорадочно собираться. В голове отчего-то возникло надменное лицо господина Ганна, и юноша вздрогнул. Опаздывать ему не хотелось...

Быстрым шагом проносясь по коридорам академии, Эдван лихорадочно вспоминал дорогу. Из-за разгулявшихся нервов он никак не мог понять, правильным ли путём идёт. Каждый поворот, каждый уголок казался диким, незнакомым. В волнении случайно прошёл нужный поворот и свою оплошность осознал только, когда наткнулся на группу взрослых учеников, также спешащих на первое в этом году занятие. Титаническим усилием воли заставив себя успокоиться, Эдван вернулся назад и всё-таки отыскал нужную площадку. Несмотря на все свои утренние приключения, он пришёл первым – за забором никого не было. Вздохнув, парень уселся под деревом, что росло у стены, и принялся ждать.

Время шло, но никто так и не появлялся. Сердце Эдвана пропустило удар, когда в голове возникла мысль о том, что он пришёл не туда. Подорвавшись, юноша быстро выбежал вон, взглянул на стену и вздохнул с облегчением. На столбе у прохода всё так же красовалась цифра четыре, небрежно написанная чёрной краской. Мимо прошла ещё одна группа учеников, которые, посмотрев на Эдвана и заметив растерянное выражение его лица, тихонько захихикали. Юноша ничего им не ответил – его взгляд отчаянно заметался по улице и вдруг наткнулся

на фигуру мужчины в чёрном халате. Эдван вздохнул с облегчением и медленно направился обратно под дерево. Появление Мастера Ганна развеяло все его сомнения.

Выражение лица учителя было таким же надменным, как и всегда, но сегодня Эдван впервые был рад его видеть. Ганн появился на площадке, оглядел пустое пространство, скользнул взглядом по единственному присутствующему ученику, легонько кивнул ему в ответ на приветствие и направился к низкому деревянному столику, который находился в противоположном конце их тренировочной зоны. Мужчина уселся на небольшую деревянную дощечку, которую достал из-под стола, и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что ничто в этом мире не способно потревожить его до того, как прозвучит второй гонг.

Улыбнувшись, Эдван последовал примеру мастера и тоже зажмурился, пытаясь нащупать внутри себя атру. Разумеется, у него ничего не получалось, но это занятие здорово скрасило его ожидание. Совсем скоро на площадке начали появляться другие ученики, но никто из них не захотел тревожить ни мастера, ни Эдвана, чему последний был втайне очень рад. Новых знакомств он слегка побаивался.

– Кто это? Никогда его раньше не видел... – тихо сказал кто-то неподалёку. Скорее всего, молодой парень.

– Я тоже. Как думаешь, из какой он семьи? – ответил ему собеседник. Хотя они и говорили тихо, шёпотом это нельзя было назвать, и Эдван всё прекрасно слышал.

– Скорее всего, какой-то простолюдин, – презрительно фыркнул первый, – одарённых нашего возраста среди благородных семей не так много. К тому же посмотри, какой он худой. Явно бедняк.

– Ш-ш-ш! – зашипел на него товарищ, переходя на шепот. – Думай, что говоришь! Чтобы в группу мастера Ганна попал простолюдин? Да скорее небо рухнет на землю! Даже если он бедняк, то наверняка какой-то особенный... может, сын какого-то нового вассала великой семьи? Пошли, не навлекай на себя беду...

– Пф... – фыркнул первый, показывая своё отношение к домыслам товарища. И тем не менее эта парочка всё-таки отошла к противоположной стене, откуда Эдван больше не мог слышать их разговора.

Ученики продолжали прибывать, всё чаще и чаще между ними случались разговоры, подобные тому, что завязался между двумя парнями, и с каждым услышанным словом Эдван становился всё мрачнее и мрачнее. Он, наконец-то, начал понимать, какую свинью ему подложил Марк Боу! Теперь-то он осознал, почему Мастер Ганн одарил его таким взглядом в тот день! Все, все без исключения ученики в этой группе были отпрысками каких-то семей, чей статус был очевидно куда выше его собственного! Стиснув зубы до скрипа, Эдван шумно выдохнул, унимая злость.

«Однажды ты сможешь примкнуть к одной из великих семей!» – пронеслись в его голове слова Марка. Усатый ублюдок, похоже, хотел сделать всё, чтобы его пожелание исполнилось.

Теперь юноша сильнее прежнего боялся открыть глаза. Боялся почувствовать на себе чужие взгляды. Он не представлял, чего ждать от всех этих людей. Как с ними общаться? Какого поведения от него ждут? В деревне не было никаких кланов, все друг друга знали, никто сильно не выделялся. Однако Город – совсем другое дело. За время, проведённое здесь, Эдван уже усвоил, что положение жителей разительно отличается. Тут есть благородные семьи, которые вроде как выше простых обывателей. Правда, юноша не понимал, насколько. Хотя и знал, что статус у одарённых тоже выше, чем у простых горожан. Но о том, насколько велика пропасть между клановыми и обычными одарёнными или между простолюдинами с даром и обычными людьми из богатых семей, Эдван не имел ни малейшего понятия. Да и, если быть честным самым с собой, знать не хотел. Он банально не понимал, к чему вообще такие сложности.

Глубоко вздохнув, парень выбросил из головы все эти глупости, освобождая мысли от волнения по поводу отношений в группе. Он заставил себя вспомнить свою цель. Всё, чего он хотел, – это овладеть атрой. Обучиться и отомстить за тех, кто погиб в тот день. Остальное – шелуха. Одновременно с тем, как эта мысль возникла в голове парня, грянул второй гонг – и Эдван открыл глаза.

Мастер Ганн легко поднялся со своей дощечки и пошёл навстречу толпе учеников. Под его взглядом все разговоры мгновенно затихали, а лица клановых отпрысков стремительно бледнели. Мужчина остановился примерно в десяти шагах от группы и, выдержав длинную паузу, заговорил:

– Приветствую вас на нашем первом уроке. Многим из вас знакомо моё имя, но здесь вам позволено называть меня только «мастер» или «учитель», – ледяным тоном отчеканил мужчина и, выдержав длинную паузу, добавил: – Права обращаться ко мне по имени вы ещё не заслужили.

Возмущение, отразившееся на лицах некоторых учеников, заставило Эдвана усмехнуться. Он слегка злорадствовал, наблюдая за тем, как Ганн опускает всех на один уровень, и совершенно не беспокоился о себе – ведь ему было банально некуда падать. Учитель меж тем продолжал:

– Прежде чем мы начнём, я дам вам первый и важный урок. Забудьте о жизни за этими стенами. Она исчезла в тот самый миг, когда вы пересекли порог академии. Вам предстоит ступить на путь, который навсегда отделит вас от простых смертных. Скорее, чем вы сейчас думаете. Выбросьте прошлое из головы – в мире одарённых ему нет места.

Мужчина помолчал, наблюдая за лицами детей. На них застыли крайне противоречивые выражения. Мастер Ганн же, напротив, оставался абсолютно бесстрастным, словно ледяная скульптура.

– Не утруждайтесь возражениями, – холодно осадил мужчину юношу в красной куртке, который порывался что-то сказать. – Мне плевать на то, что вы думаете и из какой семьи родом. Я уважаю лишь талант и силу, – Ганн пригвоздил толпу ребят таким взглядом, от которого все возможные возражения застряли у них в горле. Даже Эдван почувствовал странное давление, навалившееся на него. Такое, будто перед ним стоял не мужчина в чёрном халате, а самый настоящий великан, способный одним движением пальца раздавить его в лепёшку. Сглотнув, парень посмотрел на притихшую группу, осознавая, что поймал лишь отголосок того, что учитель обрушил на них. Пауза затянулась.

– А теперь поднялись и побежали! – негромко рыкнул мужчина и, больше не обращая внимания на учеников, медленно побрёл обратно к деревянному столику. Вскоре за его спиной зазвучал топот множества ног.

Ученики сопели, скрипели зубами, злились, но послушно бежали. Никому не хватило смелости послушаться мастера.

Глава 5. Первые шаги на длинной дороге

Эдван выдохся уже на пятом круге при том, что сама площадка не была особенно большой. Примерно шагов пятьдесят в длину и столько же в ширину. Однако из-за худобы и слабости после месячного лечения Эдван быстро начал отставать. Сстиснув зубы, он упрямо бежал до самого конца, умом понимая, что, очевидно, для того, чтобы развить дар, требуется иметь сильное тело. Об этом даже Марк говорил. Вот только проклятый организм никак не желал становиться сильнее, и Эдван, издав громкий хрип вместо вдоха, просто свалился на десятом круге, не в силах бежать дальше, за что заработал несколько смешков и с десятков презрительных взглядов от других учеников. Даже девчонки смогли пробежать больше, чем он. Мастер Ганн никак не прокомментировал падение юноши – он, казалось, даже не обратил на него внимания. Поэтому Эдван, немного отдохнув, поднялся на ноги и побежал. Через два круга он свалился снова. Передохнул и встал ещё раз.

Вскоре начали уставать и остальные ученики: они падали, некоторые останавливались и усаживались у стены, не желая продолжать занятия бегом. И на это учитель тоже никак не реагировал. Некоторые, наоборот, по примеру Эдвана, продолжали бежать с невероятным упорством на потеху тем, кто остался отдыхать у стены. Вскоре большая часть учеников сидела под деревом, отдыхая. Бегать продолжали всего пятеро: Эдван, хрупкая на вид девочка с тёмными волосами и ещё трое парней. И лишь когда кто-то в очередной раз свалился без сил, мастер Ганн открыл глаза.

– Хватит.

Те, кто до сих пор бежал, попадали там, где стояли, хрипло и жадно хватая ртом воздух. Эдван валялся у стены и с трудом сдерживал рвотные позывы – да и то потому, что ему было нечего выдавливать из себя: в последний раз он ел вчера днём. Казалось, ещё немного – и он выплюнет собственные лёгкие. Эдван был готов поклясться, что выдержки бежать так долго ему хватило только потому, что он уже однажды проделывал нечто подобное. Когда удирал от проклятых обезьян. Учитель терпеливо дождался, пока они сумеют, наконец, отдышаться, и лишь после этого заговорил вновь:

– Пятеро, сюда, – спокойно сказал мужчина, указав рукой на пространство перед собой. После этого медленно перевёл взгляд на группу под деревом: – А вы можете выметаться.

– Н-но, учитель... – попытался выдавить кто-то в толпе. Однако договорить ему не позволило внезапно возникшее давление. В этот раз куда более сильное, чем в прошлый.

– Если я приказал бежать, вы должны бежать, пока я не остановлю. Ослушавшись приказа, вы плюнули мне в лицо. За это я могу только выгнать вас со своих уроков... – Около полуминуты мужчина внимательно смотрел на съежившуюся от страха толпу. – Однако закон города не позволит мне оставить вас необученными кусками дерьма. Я дам вам шанс. Но если провалите этот... – впервые за всё время учитель усмехнулся. И усмешка эта была такой злобной, что никому не захотелось узнавать, что будет, если они упустят ещё один шанс. Слова мужчины только подтвердили их опасения: – Я заставлю вас жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. А теперь поднялись и побежали!

Ученики подорвались с мест и понеслись вперёд с таким рвением, словно в их жизни не существовало ничего важнее бега по этой самой площадке. Эдван и другие из их героической пятёрки подошли к учителю и, дождавшись разрешения, уселись перед ним на землю, скрестив ноги.

– Ваше упорство похвально, – кивнул Ганн, – закройте глаза. Расслабьте тело. Очистите мысли...

Эдван послушно последовал советам учителя. Теперь-то он осознал, зачем они бегали так долго. После этой пытки, просто сидя на земле, он чувствовал себя настолько расслабленным,

что ему даже не приходилось прикладывать для этого усилий. Даже думать ни о чём не хотелось – в голове гулял ветер. Всё, что оставалось делать, – это слушать спокойный и размеренный голос мастера.

– Сосредоточьтесь на мире вокруг. Почувствуйте его. Почувствуйте, как земля вздрагивает от топота ног, как шевелится листва на дереве. Слушайте.... почувствуйте... сотрите различия... достаньте до сути. Ощутите силу, что пронизывает всё сущее... и вас тоже...

С каждым словом мастера Эдван погружался всё глубже и глубже в странный транс. В голове у него не было ни единой мысли, он полностью сосредоточился на своих ощущениях. На этот раз в нём не было маниакального желания почувствовать атру – нет, он просто... просто начал слушать окружающий мир и, к своему собственному удивлению, вдруг открыл для себя много нового. Услышал тихое, еле заметное шуршание листвы на дереве в тридцати шагах, долетающее сквозь шум бегающей толпы. Почувствовал, как вздрагивает земля от топота ног, как по его собственной щеке медленно стекает одинокая капля пота, как волосы на затылке шевелятся под слабеньким, едва ощутимым ветерком. Он опускался всё глубже, потеряв счёт времени. Восторг от новых ощущений поутих и растворился, а вместе с ним исчезли и все другие эмоции. Эдван был так глубоко, что перестал ощущать окружающий мир, но отчего-то не посмел остановиться. В его душе воцарилось ледяное спокойствие, почти полное безразличие, как тогда, на пороге смерти. И в пустоте... словно яркий маяк тёмной ночью, вспыхнуло новое чувство.

Спокойствие разлетелось вдребезги, смытое волной невероятного восторга, что поднялся в душе паренька. Он чувствовал себя так, будто всю жизнь был слеп и только что прозрел! Мир открывался для него с новой стороны, но радость продлилась недолго. Как только юноша почувствовал атру, в его голову хлынул неудержимый поток воспоминаний. Тысячи картинок промелькнули перед глазами настолько быстро, что разум попросту не успевал их воспринимать. Голову Эдвана пронзило невероятной болью, как будто туда воткнули раскалённый железный прут, который нельзя вынуть. Через мгновение боль исчезла, и паренёк обессиленно растянулся на земле, тяжело дыша.

Голова гудела, словно встревоженный пчелиный улей. Эдван закрыл глаза и попытался расслабиться. Он вдруг поймал себя на мысли, что почти все его мышцы настолько напряжены, что ему сложно пошевелиться. Размеренно дыша, он вновь попытался погрузиться в себя и почувствовать окружающий мир, следуя совету мастера.

Через несколько минут последние отголоски пережитой боли наконец-то растаяли. Юноша вздохнул с облегчением и вдруг осознал, что ему не нужно повторять весь путь заново. Чувство, которое он так старался найти, никуда не пропало! Он всё ещё ощущал атру! В воздухе вокруг него, в земле под ногами и даже внутри самого себя... да, очень слабо, практически незаметно, но всё-таки! Открыв глаза, он встретился взглядом с учителем, и тот, впервые за всё время с их знакомства, улыбнулся ему. Лишь уголками губ, лишь на короткое мгновение, но эта маленькая улыбка заставила Эдвана едва ли не прыгать от радости. У него получилось!

Остальные ученики всё ещё сосредоточенно медитировали, их лица выражали глубокую отрешённость, в то время как бегуны на площадке, хрипя и кашляя, выжимали из себя последние соки. Вздохнув, юноша снова закрыл глаза и, сосредоточившись на своём новом чувстве, попытался ещё раз войти в состояние транса, чтобы вновь почувствовать разлитую вокруг силу так же ярко, как в самый первый раз. Однако, сколь бы глубоко он ни погружался в медитацию, как бы сильно ни пытался, прежней яркости и остроты чувству атры придать так и не удавалось. Эдван понял, что это был лишь обман его разума. Как глоток воды в мгновения ужаснейшей жажды кажется питьём богов, так и атра впервые в жизни почудилась ему чем-то невероятным. Но сейчас, когда он чувствовал её постоянно, она больше не вызывала такого восторга – точно так же, как и простая вода.

Наблюдая за движением энергии вокруг, Эдван вдруг заметил нечто странное. Нечто, похожее на маленький, слабый, еле заметный поток. Проследив за ним, юноша с удивлением осознал, что тот проходит сквозь его тело! Концентрируясь в странном сгустке в груди, чуть ниже сердца. Повинуясь какому-то внутреннему позыву, он сосредоточил своё внимание на этом месте и, приглядевшись повнимательнее, обнаружил там нечто, очень похожее на какой-то... сосуд, сквозь который неспешно двигалась атра.

Эдван попытался ускорить её течение и, к собственному удивлению, сумел это сделать. Энергия внутри тела повиновалась его воле очень легко. Однако парня не покидало смутное, странное чувство – ощущение, что он уже проделывал это бесчисленное множество раз. По наитию Эдван попытался вобрать в сосуд чуть больше энергии из внешнего мира. Вначале ничего не произошло. Он попытался ещё раз, а затем ещё – и лишь на четвёртой попытке, когда странная память вновь подсказала, как именно это сделать, атра извне хлынула внутрь сосуда. Сначала немного, но потом всё больше и больше энергии вливалось в него, и когда резерв Эдвана был, наконец, полон, юноша замер в нерешительности. Интуиция подсказывала, что он мог бы продолжить, но перед глазами стоял полный сосуд. В голове парня мелькнула гениальная идея. Сосредоточившись на атре внутри, он усилием воли заставил её покинуть внутреннее хранилище и пустил напрямик в рану на груди.

Стоило юноше это сделать, как он тут же почувствовал себя лучше. Чуть более отдохнувшим, чем раньше. Тогда он перелил в тело ещё немного атры из сосуда, а затем, осмелев, опустошил весь запас, набрал ещё и повторил снова. Усталость как рукой сняло. После этих действий Эдван чувствовал себя просто превосходно! Он был полон сил! Однако эйфория продолжалась недолго – её прервал болезненный тычок в плечо. Первым, что бросилось в глаза парню, когда он пришёл в себя, стала тишина. Не было топота. Оглянувшись, он увидел, что теперь все ученики сидят на земле перед мастером с закрытыми глазами, а парень в красной куртке ходит и медленно будит каждого из них. Эдван перевёл взгляд на мастера. Тот улыбнулся и легонько кивнул в знак одобрения.

Вскоре паренёк в красном разбудил всех, и ребята, удивлённо озираясь по сторонам, медленно приходили в себя. Они тут же начали тихонько перешёптываться друг с другом, делиться впечатлениями. Кто-то восторженно рассказывал об ощущениях, которые испытал, впервые почувствовав энергию вокруг себя, а кому-то оставалось только завистливо скрипеть зубами.

– Ты тоже почувствовал её, да? – внезапно зазвучавший рядом голос заставил Эдвана вздрогнуть. Медленно повернувшись, он увидел девушку с чёрными волосами. Она была худенькой и на вид очень хрупкой, как хрустальная статуэтка. Её глаза задорно блестели, а на губах играла яркая, радостная улыбка. Однако через несколько мгновений эта улыбка померкла, а на лице девушки отразилась странная внутренняя борьба, словно она оступилась и не могла придумать, как выбраться из ситуации.

– Да, – хрипло ответил Эдван, – невероятно...

Его собеседница лишь покивала и отвернулось. Повисло неловкое молчание, которое, к счастью, не затянулось надолго. Господин Ганн лёгким покашливанием привлёк внимание группы.

– Сейчас большинство из вас уже сумело почувствовать атру. Но это был лишь первый шаг на вашем пути. Пришло время сделать второй – определить, каким будет ваш внутренний сосуд, – Ганн обвёл взглядом группу учеников и, заметив поднятую руку, кивнул, разрешая задать вопрос.

– Что ещё за сосуд, мастер?

– Это то место, где любой одарённый хранит атру. Он находится чуть ниже сердца, примерно вот здесь, – мужчина показал пальцем на то самое место, – и раз уж вы задали вопрос, пожалуй, я расскажу немного о том, через что вам предстоит пройти. Те, кто не успел

почувствовать энергию, могут не волноваться, – мужчина сделал небольшую паузу и наградил нескольких учеников суровым взглядом, – я заставлю вас ощутить её.

Кто-то справа от Эдвана нервно дёрнулся, а мастер как ни в чём не бывало продолжил рассказ:

– Существует всего три типа внутренних сосудов. Зелёный, жёлтый и красный. Чем ярче цвет, тем хуже для одарённого, – учитель обвёл группу холодным взглядом. – То, каким типом сосуда вас наградили небеса, определит всю вашу будущую судьбу. Наибольших успехов добьются те, кому повезло заполучить зелёный. Скорее всего, у большинства из вас будет зелёный сосуд... такие часто встречаются у отпрысков кланов. Самое главное преимущество зелёного сосуда перед остальными – это способность сохранять атру внутри себя бесконечно долго. Пока вы не захотите этого, ни одна крупинка энергии не покинет его и не утечёт обратно в мир. Стенки такого сосуда идеальны, в них нет ни одного изъяна или трещины, – сделав небольшую паузу, господин Ганн глубоко вздохнул. – Другое дело – сосуд жёлтый. В его стенках обычно от одной до нескольких трещин, и сквозь них атра, которую вы пытаетесь удержать внутри, утекает во внешний мир. Цвет сосуда может изменяться от желто-зелёного до оранжевого в зависимости от количества трещин. Владельцы таких сосудов тоже могут стать сильными воинами, но их путь будет куда сложнее, чем у более одарённых. И куда легче, чем у тех, кому достался красный. Как я уже сказал, трещины определяют цвет. Как вы думаете, чем так плох красный сосуд? – вдруг спросил мастер. В группе повисло неловкое молчание.

– В нём... ещё больше трещин? – неуверенно пробормотал кто-то за спиной Эдвана.

– Да. Атра из него утекает ещё быстрее, чем из жёлтого – настолько, что владельцу красного сосуда никогда не подняться выше уровня пруда. Я потом объясню, что это значит, – мастер Ганн остановился в лёгкой нерешительности, как будто сомневался, стоит ли говорить что-то ученикам. Немного подумав, он кивнул каким-то своим мыслям и продолжил рассказ: – Помимо основных трёх типов, существует ещё один. Его называют расколотым. Таким сосуд становится, когда его повреждают так сильно, что в нём появляются новые трещины. Его очень трудно распознать, если прорех мало, но если их больше, он будет выглядеть как красный сосуд с налётом настоящего цвета – того, который был у сосуда до повреждения.

Паренёк слева от Эдвана высоко поднял руку.

– Учитель, а что будет, если сосуд разрушится? – поинтересовался он, дождавшись разрешения от Ганна.

– Ты лишишься дара и умрёшь, – сказал он спокойно, как нечто само собой разумеющееся. – А теперь подходите ко мне по одному. Посмотрим, чем небеса вас наградили.

Мастер вытащил из-за пазухи какой-то странный кристалл размером с кулак и начал подзывать учеников. После он прикладывал кристалл к их груди – к месту, где должен был находиться внутренний сосуд энергии, и просто ждал, когда камень покажет результат. Ему не требовалось много времени, всего лишь пара минут, чтобы начать ярко светиться. Как Эдван и предполагал, практически у всех учеников из тех, что уже успели пройти проверку, сосуд оказался зелёным, и только у одного паренька он высветился жёлто-зелёным, даже ядовитым. Наследники кланов, и этим всё сказано.

Правда, не у всех проверка проходила быстро. Тем, кто до сих пор не мог почувствовать атру, мастеру приходилось насильно «вбивать» это ощущение, прежде чем приступить к определению сосуда. На проверку это оказалось совсем не сложно, но болезненно. Мужчина просто легонько дотрагивался пальцем до груди ученика, и тот тут же вздрагивал, как от удара хлыстом. Оказалось, мастер вливал в его сосуд немного своей энергии, чтобы расшевелить его. Учитель успокаивал их, говоря, что таким мизерным количеством повредить сосуд невозможно, а болит он лишь с непривычки. И вправду, практически у всех, в ком пришлось «разбудить» чувствительность, сосуд оказался зелёным, без каких-либо признаков повреждения.

Время шло, и уже больше половины учеников узнали цвет своего сосуда души. Наконец, мастер Ганн кивнул Эдвану. Пришла его очередь. Чувствуя, как в животе начинает образовываться ком, парень медленно поднялся на ноги и двинулся вперёд, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в коленях. Он сильно волновался: ведь от того, что покажет проклятый кристалл, зависело всё его будущее! Что, если он будет красным? Что, если в момент пробуждения дара его сосуд повредился из-за того копья? Или магического знака, который он нарисовал у себя на груди?

Сделав глубокий вдох, Эдван остановился перед учителем и замер, опасаясь даже дышать. Мужчина спокойно прижал кристалл к его груди. Глаза всей группы внимательно следили за поверхностью камня, Эдван тоже смотрел, не отрываясь. Целую минуту он простоял в полной тишине, мысленно повторяя себе, как мантру: «Только не красный, только не красный, только не красный, пожалуйста, Творец, только не красный». Не в силах вытерпеть напряжения, парень закрыл глаза, боясь разочароваться в самом себе. Прошло ещё полминуты, и среди студентов послышались шепотки. Титаническим усилием воли Эдван заставил себя преодолеть страх и наконец-то открыть глаза. После чего выдохнул с облегчением. Кристалл ярко сиял желтым, словно ночной фонарь. Приглядевшись, юноша даже заметил в нём слабые, еле заметные зелёные прожилки.

Тяжело вздохнув, он на негнувшихся ногах дошёл до своего места и плюхнулся на землю. Руки всё ещё немного дрожали. Пронесло. Жёлтый с зелёными прожилками – тоже очень хороший результат. Не такой, как зелёный, конечно, но на зелёный Эдван особо и не рассчитывал. Главное, что не красный и не расколотый. Успокоившись, он вернулся к наблюдению за остальными учениками. Хрупкая девушка, с которой ему довелось перекинуться парой слов, пошла следом за ним, и её кристалл сиял ярким, насыщенным зелёным цветом. Точно таким же, как и у паренька за ней. А вот у невысокой блондинки с невероятно милым детским личиком сосуд оказался светло-зелёным, чуть ближе к жёлтому, чем у предшественников.

Наконец пришло время последнего ученика. Эдван смотрел с лёгким интересом, в тайне лелея надежду, что у кого-нибудь ещё в этой группе гениев будет жёлтый сосуд, как у него. Юноше не хотелось выделяться из толпы этих благородных ещё больше, чем сейчас.

Мастер Ганн приложил кристалл к груди высокого блондина с вытянутым лицом. Едва поверхность камня коснулась ткани яркой синей куртки, как паренёк обречённо закрыл глаза. Присмотревшись, Эдван заметил, как дрожат его пальцы от волнения, и внутренне посмеялся над самим собой. Он, скорее всего, выглядел точно так же. Вот только непонятно, чего так боится этот благородный? Может быть, он уже знает, что не получит зелёный сосуд? Заинтересованный, Эдван подался вперёд и жадно уставился на кристалл. Через долгую минуту на поверхности камня проступили первые проблески цвета. И вместо обычных шепотков вокруг послышались удивлённые вздохи и тихие ругательства. Даже мастер Ганн поражённо уставился на кристалл в своих руках. А всё потому, что внутри камня ярко сиял красный шарик. С зелёным налётом по краю.

Вздохнув, мужчина вернул лицу невозмутимое выражение. Внимательно оглядев группу учеников, он повернулся к побледневшему юноше.

– Вечером я расскажу тебе о том, как не дать ему полностью разрушиться.

Парень в синей куртке отвесил учителю глубокий поклон и деревянной походкой направился к своему месту. Стоило ему опуститься на землю, как другие ученики отшатнулись от него, словно от больного. На их лицах легко читалась причудливая смесь жалости и презрения. Эдван и блондинка оказались единственными, кто не сдвинулся с места, за что оба заработали несколько странных взглядов из толпы.

– Проверка закончена, – сказал мастер Ганн, привлекая внимание, – жду вас после второго гонга здесь же. Можете поесть и восполнить силы.

Глава 6. Новые знакомства

После того как прозвучал первый гонг, ученики быстро разбрелись кто куда. Блондинка убежала вместе с хрупкой девушкой с чёрными волосами, оставив Эдвана наедине с парнем в синей куртке, который всё ещё приходил в себя после проверки внутреннего сосуда. Площадка опустела: кроме них, на ней был только мастер Ганн, но он уже погрузился в медитацию и всем своим видом показывал, что до следующего гонга его лучше не беспокоить.

Эдван взглянул на блондина и тихонько вздохнул. Ему было жаль парня, он хотел сказать ему что-то подбадривающее, но боялся начать разговор первым. Не знал, как поведёт себя клановый, если к нему обратится кто-то, подобный Эвану. Вдруг он, как и та черновласка, просто не станет с ним говорить? Если бы такое случилось, юноша бы точно сгорел со стыда.

И пока он прикидывал в голове варианты ещё не случившегося разговора, произошло то, чего Эдван ожидал меньше всего. Блондин с вытянутым лицом нарушил молчание первым.

– Похоже, мы вдвоём тут остались... – еле слышно пробормотал он, – ты... тоже в столовую?

– Да, – кивнул Эдван.

Они поднялись и медленно пошли прочь с тренировочной площадки. Шли молча, как бы вместе и как бы порознь, но в одном направлении. Оба чувствовали себя крайне неловко, не зная, что говорить дальше и как развить разговор. Эдван порывался было сказать, что ему жаль, но сумел только открыть и закрыть рот, оборвав самого себя на полуслове. Он не рискнул лезть к благородному со своей жалостью, прекрасно понимая, как это может ударить по чужой гордости. Однако ничего другого ему на ум не пришло...

– Меня зовут Алан, – вдруг негромко сказал блондин.

– Эдван. Эдван Лаут, – представился в ответ юноша, мысленно проклиная себя за глупость. Как он мог забыть о том, что они ещё даже не познакомились?

– Никогда раньше не слышал такой фамилии, – улыбнулся Алан, – ты из простых?

– Наверное... можно и так сказать, – осторожно ответил Эдван.

– Если это какой-то секрет, то можешь не отвечать, конечно, – произнёс парень, – но у простолюдинов в городе редко встретишь фамилию.

Эдван немного помолчал, пытаясь понять, будут ли у него какие-то проблемы, если он расскажет о своём происхождении новому знакомому. Пораскинув мозгами, юноша пришёл к выводу, что это не такая уж большая тайна. Единственное, о чём, пожалуй, стоит умолчать, – это знания из-за грани.

– Я не из города, – с грустной улыбкой ответил Эдван, – из окрестностей.

– Так это ты! – поражённо воскликнул Алан. – Тот самый единственный выживший! Отец рассказывал о том, что случилось... – блондин осёкся, – прости. Я не хотел.

– Всё в порядке, – пробормотал Эдван, машинально коснувшись места, где под одеждой скрывался шрам на груди.

– Теперь понятно, как ты оказался в группе мастера Ганна... – задумчиво произнёс Алан.

– Неужели она какая-то особенная?

– Ну, – усмехнулся Алан, – в неё не так-то просто попасть. Особенно простолюдину.

– Значит, ты тоже из какого-то клана? – сделал парень очевидный вывод.

– Да, – улыбка блондина слегка померкла, – моя фамилия Линн.

Эдван сглотнул. В его голове тут же ярко вспыхнул монумент Основателям города и надписи на памятнике: «Линн, Джоу и Морето». Он вспомнил, с каким пиететом к ним относился горбатый, и слова Марка о том, что, быть может, когда-нибудь и ему удастся присоединиться к какому-то клану. Лицо Эдвана чуть перекосилось от удивления, но прежде, чем он успел

что-то сказать, ещё одно воспоминание вспыхнуло в его разуме. Красный шарик с зелёными прожилками в кристалле...

– Да уж, – усмехнулся себе под нос Эдван, – не так я себе представлял Великих Основателей.

– А ты думал, мы все будем ходить с лицом, как у мастера Ганна? – спросил парень и соорудил крайне надменное выражение лица, спародировав учителя.

– Если честно, то да, – ответил Эдван.

– Ну-у, – протянул Алан, – спорить глупо, некоторые действительно такие. Не способны понять, что происхождение – это ещё не всё. Если кто-нибудь из них будет вести себя надменно, ты просто вспоминай их лица во время сегодняшнего бега.

– Да уж, мастер Ганн умеет сбить спесь... – усмехнулся Эдван, – расскажи, а ты уже пытался почувствовать атру раньше?

– Конечно, – уверенно кивнул Алан. – В нашей семье не пользуются определителем дара, нас заставляют чувствовать энергию так же, как мастер Ганн делал это во время проверки сосуда, – парень тяжело вздохнул, – и даже проверяют тип. Но основное обучение потомки клана Линн получают здесь, в академии.

– А есть те, кто занимается дома?

– Естественно. Например, семья Морето сама обучает основам всех детей, чей дар пробудился раньше, чем за месяц до начала занятий. Я имею в виду только прямых потомков. Вассалы и прочие идут вместе со всеми, как мы.

– Но тогда... зачем им быть с нами здесь и определять сосуд? Учиться чувствовать атру? И вообще, зачем посещать академию, если их обучают дома? – не понял Эдван.

– Традиция, – пожал плечами Алан, – но ты прав – в первую неделю, когда нас учат только чувствовать атру, смысла приходить нет. Марис появится, когда мы овладеем основами.

– Марис? Значит, в нашей группе всего один из клана Морето... ты его знаешь?

– Все дети главных семей и их ближайшие вассалы знакомы друг с другом. Но... назвать нас друзьями я бы не решился. Хотя моя сестра хорошо ладит с Лизой Морето...

– Так та блондинка – это твоя сестра? – осторожно спросил Эдван.

– Да. А черноволосая девушка – Лиза Морето. Вы с ней, кстати, немного похожи – я сначала подумал, что ты тоже из их клана.

– На самом деле я не такой худой, это просто из-за ранения. Скоро отъемся, – улыбнулся Эдван.

– Не сомневаюсь.

– Так, погоди, я запутался! – помотал головой парень. – Ты же сказал, что дети из клана Морето учатся дома, так что тогда эта Лиза здесь забыла?

– Она... не совсем из главной семьи, – мягко сказал Алан.

– А! Да плевать, – махнул рукой Эдван. Ему совершенно не хотелось разбираться в этих всех клановых хитросплетениях и считать, кто там из какой ветки какой семьи, он был далёк от этого. – Лучше расскажи, что ты знаешь об атре! Наверняка побольше моего!

Алан, увидев отношение своего нового знакомого к клановым связям, был приятно удивлён. Он наконец-то встретил человека с мнением, которое было так похоже на его собственное! Что в семье Линн, что в других кланах – везде происхождению придавали огромное значение; да что там, даже простолюдины это делали, хоть и не особо разбирались в тонкостях. А Эдван не то что не показывал никакого страха и пиетета перед кланами, он ещё и открыто заявил ему, отпрыску клана Линн, что плевать хотел, кто там откуда. Ни один простолюдин в городе не осмелился бы заявить ничего подобного, а тем более отпустить невинную шутку про Основателей в лицо одному из их потомков!

Вот только... рассказывая Эдвану о том, что ему говорили про атру в клане, Алан не переставал гадать, насколько хватит его нового знакомого? Сможет ли он вести себя так и

дальше или когда-нибудь, как говорится, пнёт железную дверь и сломается, превратившись в обычного простолюдина? Захочет подлизаться к какому-нибудь клану... и умрёт так же бесславно, как и другие? Вздыхнув, Алан отбросил эти мысли. Вместо того, чтобы раздумывать над подобными глупостями, ему бы стоило просто наслаждаться обществом человека, которого ему так давно не хватало. Человека, который не смотрел на него с презрением из-за расколотого сосуда, со страхом перед семьёй или с обожанием в попытках снискать расположение. Пока он не изменился.

Перекусив в столовой, ребята направились обратно на тренировочный полигон, болтая о всякой всячине. Эдван вначале интересовался знаниями Алана об атре, но когда удостоверился, что его новый друг знает немногим больше него самого, перевёл разговор на обсуждение учителя Ганна и их первого урока. Рассказал о своих выводах по поводу необходимости бега перед тем, как почувствовать атру, об ощущениях, которые испытал, излечивая самого себя. Алан даже взял этот метод на вооружение и сказал, что попробует восстановить силы сразу же, как придёт на полигон.

– Разве вам в клане не говорили о каких-нибудь крутых трюках с атрой? – удивился Эдван.

– В семье Линн принято ждать, пока дети зложат прочную основу и хорошо овладеют азами. Только потом отец станет рассказывать что-либо мне и... – Алан на мгновение осёкся.

– Тебе и?..

– Только после основ. Я знаю, что в семье Джоу принято так же, но клан Морето делает всё, как всегда, по-своему, – Алан слегка поморщился, словно ему не сильно нравился этот клан.

– А другие? – спросил Эдван, не обратив внимания на изменения на лице собеседника.

– Чаще всего вассалы подражают тому, кому служат, – махнул рукой Алан, – традиция. А что происходит в семьях, которые ещё не подлизались к кому-то из нас, я понятия не имею.

– А такие есть?

– Да, – улыбнулся Алан, – мы приравниваем их к простолюдинам, но они побогаче. Это небольшие семьи, которые обычно держат небольшое дело вне сферы влияния великих кланов. Например, шьют одежду или выращивают лён и хлопчатник на дальних полях. Живут как-то...

Поболтав ещё немного о городе, ребята пришли обратно на тренировочную площадку. Помимо мастера Ганна, который всё так же сидел с закрытыми глазами, там находились ещё пятеро учеников. Трое парней, что негромко переговаривались о чём-то в углу, и две уже знакомые Эдвану девушки. Сестра Алана и её подруга. Однако что-то неуловимо изменилось в поведении девушек по сравнению с тем, что он видел до перерыва.

«Наверное, они уже отошли от потрясения и теперь начали вести себя как обычно», – подумал Эдван. Да он и сам почувствовал себя более уверенно и раскрепощённо после того, как оказался в компании Алана.

– Эй! Сопля, иди сюда! – звонкий голос темноволосой разнёсся по площадке, привлекая всеобщее внимание. Алан громко скрипнул зубами от негодования, с трудом сохранив относительно невозмутимое выражение лица.

– Лиза! – зашипела на подругу блондинка.

– Что?! – не поняла девушка. – Должна же я узнать, с кем яхшается твой младший брат, если тебе плевать!

Что больше всего удивило в этой ситуации Эдвана, так это то, что Алан, ругаясь сквозь зубы, пошёл к ним! Невысокая худенькая девушка с довольно милым лицом открылась совершенно с другой стороны, и сейчас по сравнению с мило улыбающейся блондинкой она казалась каким-то злющим демоном. Впрочем, стыдливо отходить от нового друга Эдван не стал. Наоборот, пошёл вместе с Аланом прямо в открытую западню. Терпеть унижение он не собирался.

– Ну! – девушка упёрла руки в боки и, нахмурившись, посмотрела на Алана. – Представь нам своего нового друга, что ли!

– Анна, Лиза, познакомьтесь, это Эдван, – слегка натянуто улыбнувшись, сказал блондин, формально выполнив просьбу.

– Эдван... – брюнетка приложила ладонь к уху, явно ожидая, когда ей скажут фамилию. При этом она смотрела на блондина как на полного идиота, который не сумел выговорить чужое имя полностью. Алан скрипнул зубами и закатил глаза. Только слепой бы не увидел, что ему совершенно не хочется отвечать на вопрос.

Эдван недобро прищурился. Он не совсем понимал, что тут вообще происходит и какие у этих троих отношения, но стоять в стороне и наблюдать, как его друга унижают, не собирался. Уверенно шагнув вперёд, он приложил ладонь к уху и громко спросил: «Лиза?..» При этом он скопировал её позу и сумел даже спародировать интонацию голоса.

– А... – казалось, она хотела что-то сказать, но осеклась и замерла с открытым ртом – по-видимому, впервые столкнувшись с такой наглостью. Повисла недолгая пауза, которая тут же нарушилась громким смехом Алана и его сестры.

– Какой забавный, – сквозь смех сказала блондинка. Её подруга, однако, веселья не разделяла. Её бровки сошлись на переносице: девушка, очевидно, сильно разозлилась, но Эдвану она казалась вовсе не устрашающей, а скорее милой.

– А ты чего ржёшь, сопля?! – рывкнула она и, в одно мгновение оказавшись рядом с Аланом, вцепилась ему прямо в живот мощный удар, от которого бедный парень согнулся и хрипло закашлялся.

– Думай, с кем говоришь! Издеваться он надо мной вздумал! – продолжала неистовствовать девушка, отчего блондинка, которая стояла неподалёку, расхохоталась ещё громче.

– Ты первая начала издёвки, – спокойно сказал Эдван, скрестив руки на груди. Лиза вперилась взглядом в парня. Засопев, она рванула к нему, за один удар сердца преодолев разделяющие их несколько шагов, и попыталась ударить кулаком в живот. Так же, как и Алана до этого. У Эдвана зашевелились волосы на голове: что поделать, такого резкого перехода от разговора к потасовке он не ожидал. Да что там, даже если бы он был готов драться, то не смог бы ничего противопоставить Лизе – девушка двигалась в разы быстрее него. Однако в ту самую секунду, когда маленький острый кулачок устремился к животу парня, его тело пришло в движение. И действовало оно на голых инстинктах – так, словно это был рефлекс, вбитый тысячей повторений давно отточенного действия.

Жестко и очень быстро он движением запястья отклонил кулачок Лизы, ладонью второй руки ударил её в плечо, отталкивая назад, и сам тут же разорвал дистанцию. Всё длилось не больше двух вдохов. Девушку отбросило на несколько шагов, но она устояла на ногах и теперь в полном ошеломлении смотрела на Эдвана, потирая ушибленное плечо. Сам парень был обескуражен не меньше противницы. Он даже не успел толком осознать, что вообще произошло. Чувствовал только невероятную усталость и сильную боль руках, которую с трудом мог сдерживать. Эдвану казалось, будто он стукнул не мягкое девичье плечо, а камень. Через несколько мгновений, во время которых Эдван и Лиза глупо пялились друг на друга, они вдруг осознали, что взгляды всех учеников на площадке направлены в их сторону, а Анна и Алан уже не смеются.

– Прости, – примирительно подняв руки, сказал Эдван, – рефлекс. Я не хотел сделать тебе больно.

– Ха-ха! – широко улыбнувшись, вдруг рассмеялась Лиза. – Тогда мне тоже стоит извиниться. Я почему-то подумала, что новый друг Алана будет таким же рохлей, как он сам!

– Лиза! – возмутилась блондинка. – То, что мы с братом не кидаемся на каждого встречного, не значит, что над нами можно смеяться.

– Да ладно тебе...

Градус напряжения мгновенно упал, и компания вернулась к непринуждённому разговору. Эдвану даже стало немного стыдно за своё поведение перед Аланом. Он ведь принял их отношения с Лизой за издевательства, но, несколько минут понаблюдав за общением девушек, понял, что это было не более, чем подшучивание над младшим братом и попытка познакомиться. Похоже, Лиза обладала довольно крутым нравом и любила рукоприкладствовать по поводу и без, но при этом была довольно весёлой и отходчивой. Правда, к Эдвану она подходить опасалась, к тому же от него не укрылось, как она время от времени притрагивается к плечу, потирая ушибленное место.

Прозвучал гонг, ученики разошлись по местам. Мастер Ганн велел всем сосредоточиться на медитации и попробовать собрать немного атры из окружающего мира и выпустить её из внутреннего сосуда. Эдван уже проделывал это до перерыва, восстанавливая собственное тело.

Парень послушно исполнял указания учителя, но никак не мог полностью сосредоточиться на процессе: его левая ладонь пульсировала и немного побаливала. Сосредоточившись, он попытался восстановить в памяти ощущения, которые испытал во время короткой стычки с Лизой, но... всё произошло так быстро, что и вспоминать-то оказалось нечего. Это был странный рефлекс – очевидно, доставшийся ему из-за грани.

Вздохнув, Эдван решил пойти другим путём и попытался представить себе так ярко, как мог, что вот-вот чей-то кулак вонзится ему в живот, при этом юноша внимательно следил за реакцией тела. В какой-то момент он ощутил слабое, еле заметное желание дёрнуть рукой. Мышцы плеча чуть-чуть напряглись, затем пришёл черёд левой руки... и он, совершенно не думая, на одних инстинктах зачерпнул из сосуда души немного атры и направил её по руке прямо к ладони.

«Вот оно!» – мысленно воскликнул парень, сбив собственную концентрацию.

Наконец-то он сумел понять, в чём было дело. Во время того удара он тоже выпустил немного атры – именно поэтому толчок получился настолько мощным, что Эдван сумел отпихнуть более сильную девушку и даже отсушил ей плечо. Однако на такой скорости тело оказалось просто не готово пропустить через себя энергию, потому-то ладонь и горела огнём. С непривычки.

Улыбнувшись, Эдван закрыл глаза, разогнал мысли и, сконцентрировавшись на своём внутреннем сосуде, принялся исполнять наказ мастера Ганна. Только теперь он, вместо того чтобы бездумно поглощать атру из окружающего мира и выпускать «куда-то», начал гонять её по телу, подготавливая его к тому, что вскоре придётся пропускать через себя куда больший объём энергии. Конечно, с его размером сосуда количество силы было ничтожным, почти незаметным, но... путь в тысячу миль начинается с одного шага...

Глава 7. Постигая основы

Потянулись дни обучения в академии. Эдван и его новые знакомые каждый день постигали основы владения атрой вместе с мастером Ганном, который не переставал гонять их так, словно готовил к побегу от стаи обезьян из сердца Туманной чащи. Пока что учитель не рассказывал практически ничего нового об энергии, а просто помогал всем полностью овладеть самым важным, на его взгляд, навыком: чувством астры. Уметь вбирать её в себя с каждым вдохом и также легко зачерпывать из сосуда и выпускать. Не важно, куда, главное – сам навык. Пока другие ученики смиренно слушали наставления мастера, Эдван ощущал странные внутренние порывы, чем-то напоминающие ему тени неких желаний, которые подсказывали, что именно стоит сделать. Так, вместо того чтобы бездумно вдыхать и выдыхать энергию и посылать её во все уголки тела, он начал зачем-то насыщать атрой сердце, таинственный знак на груди и собственный внутренний сосуд, а точнее, его стенки с внешней стороны. От этого они начинали светиться ярким жёлтым цветом, отчего на поверхности становились отчётливо видны трещины. Их было немного, всего четыре, но они, увы, были довольно глубокими. Эдван не знал, зачем делает всё это, но решил довериться знаниям, сокрытым в глубине памяти.

И не прогадал. Слово по волшебству, его тело начало восстанавливаться семимильными шагами. За неполную неделю от скелетообразной фигуры не осталось и следа. Да, он всё ещё был довольно худощав, но уже не казался жертвой многодневной пытки голодом. Улучшилось также общее самочувствие, он теперь с лёгкостью просыпался ещё до первого гонга и успевал немного размяться прежде, чем идти на площадку к учителю.

Однако была в этой бочке и ложка дёгтя. Вернулись сны. Кошмары, в которых его снова и снова убивал огромный медведь, пронзая грудь ужасными когтями. Какие-то странные битвы, в которых Эдван сражался, но не понимал, с кем. Он вновь каждое утро подпрыгивал с циновки в холодном поту, но теперь вместо того, чтобы просто дрожать от страха, садился и начинал медитацию, изо всех сил пытаясь разобраться.

Прогресс был слабым, но Эдвану казалось, что во сне он начал понемногу осознавать происходящее и даже чувствовать, как управляет там атрой. Открывая глаза утром, он плохо помнил содержание видений, однако ему казалось, что с каждым днём на уроке его контроль энергии становится всё лучше и лучше. Вернее, он начинал всё яснее и яснее осознавать свои действия. Под конец недели Эдвану даже показалось, что количество астры, которое он мог поглотить, несколько увеличилось, что не могло не радовать.

Правда, отношения с другими учениками в группе не особо ладились. Он всё так же общался с Аланом и периодически с его сестрой и Лизой, однако другие ученики его будто не замечали. Они не заговаривали с ним и смотрели с презрением, как будто он был чем-то лишним и лишь мозолил глаза. Разумеется, никто не осмеливался сказать нечто подобное вслух, особенно при Лизе или Алане, но... говорить и не требовалось. Хватало одних взглядов.

Естественно, Эдвану было неприятно, но, хорошенько над этим поразмыслив, он решил, что пока ему не устраивают неприятностей, не стоит обращать на это внимания. К тому же у него есть знакомые из кланов-основателей, и пока он с ними дружен, никто не посмеет ничего сказать прямо.

В начале второй недели обучения к нему в гости зашёл старик Шан Фан. Ушёл слегка разочарованным, пообещав достать ему учебник с описанием различных лекарственных растений, известных в городе. После ухода дедули Эдван заставил себя вновь взглянуть на текст и с удивлением обнаружил, что... стал понимать больше. Не намного – он сумел перевести всего лишь несколько новых слов, однако это внушало надежду, что рано или поздно древний язык и знания из-за грани покорятся ему полностью.

Вечером того же дня, вспоминая случай со страницей древнего рецепта, Эдван решил вновь открыть «историю сотворения мира и атры». Он пролистал первые несколько легенд, затем попытался пропустить сразу с десяток страниц, но случайно захватил слишком много и перебрался куда-то ближе к концу книги. И уже хотел было вернуться обратно, как вдруг замер, глядя на непонятные письмена. Что-то в них казалось странным.

Нахмурившись, Эдван подвинул фолиант ближе и на этот раз внимательнее присмотрелся к непонятному тексту, изо всех сил стараясь ухватить за хвост подозрение, порождённое его интуицией. Через десять минут голова парня была готова закипеть – как бы он ни вглядывался в страницу, просветление не приходило. Тогда Эдван решил взглянуть на вещи глубже. Он выбрал один-единственный иероглиф и сосредоточил на нём внимание, пытаясь понять значение. Что-то знакомое мелькнуло лишь тогда, когда зрение юноши поплыло, и картинка перед глазами смазалась. Встрепенувшись, он моргнул и, тяжело вздохнув, взглянул на объект изучения ещё раз. Однако вместо тщетных попыток осознать его головой, Эдван попытался войти в медитативное состояние, выкинуть прочь все мысли и позволить памяти и интуиции сделать своё дело. Отстраниться.

Вскоре в иероглифе начали угадываться знакомые линии, но что-то в этом всё казалось неправильным. Смутная догадка мелькнула в разуме парня, и он, повинаясь внезапному порыву вдохновения, повернул книгу боком. Несвязные раньше линии наконец сложились в единую картинку, но всё ещё выглядели немного странными, значение каждого слова ускользало от Эдвана, словно... словно здесь было намешано слишком много линий. Линий...

– Точно! – воскликнул он, ткнув пальцем в книгу. – Здесь лишние линии! Только... не могу разобрать какие... проклятый шифр.

Вздохнув, он перелистнул обратно на середину, где кончался обычный текст и начинался зашифрованный. В последнем абзаце истории, предшествующей таинственным письменам, глаз Эдвана зацепился за фразу. «Атра во всём...» Парень хлопнул себя по лбу. И как он сразу не догадался?! Это ведь было так просто! Сосредоточившись на внутреннем сосуде, он зачерпнул оттуда немного энергии и, сконцентрировав её в ладони, попытался направить в книгу. У него всё ещё не очень хорошо получалось направлять энергию за пределы своего тела, но хотя бы капля должна была попасть в нужное место...

Стоило силе Эдвана коснуться древнего переплёта, как фолиант вздрогнул. Страницы встрепенулись, и на каждом иероглифе зашифрованной части отчётливо проступили некоторые линии так, будто были чем-то подсвечены. В полнейшем ошеломлении парень уставился на текст, который медленно исчезал на его глазах от недостатка энергии. Спohватившись, Эдван направил ещё немного силы в книгу, и знаки снова стали чуть-чуть ярче...

«Наставление об атре и пути развития», – гласила надпись на самой верхней строчке. Следом шло короткое обращение автора.

«Грядут тёмные времена... прислужники Первого наступают на род людской всё яростнее с каждым годом. Власть, ради которой мы самозабвенно уничтожали друг друга, развеялась, как дым на ветру... Так пусть же это наставление станет тем маяком, что выведет тебя, ученик, из моря невежества, куда люди загнали себя в погоне за порочными целями. Окропи страницы кровью, чтобы обрести знание, человек...»

Слова неизвестного автора заставили Эдвана поёжиться. Похоже, книга пришла из тех времён, когда людей было много больше, чем сейчас. Но... как давно это было? И что за прислужники Первого? Почему при упоминании этого имени в его голове начинает что-то зудеть, а руки дрожат, будто от страха?

Сглотнув, парень помотал головой, прогоняя непонятное оцепенение. Наставление, которое поможет ему овладеть тайнами атры? Какой идиот откажется от такого?! Без колебаний Эдван прокусил подушечку большого пальца и смазал нижний угол страницы кровью. В тот же миг несколько символов внутри текста вспыхнули красным, и парень почувствовал, как его

внутренний сосуд стремительно пустеет. Книга высосала всю атру досуха, причём не только из него, но и из воздуха в комнате! Эдван чувствовал, как энергия со всей округи стягивалась к фолианту в его руках, словно тот был ненасытной воронкой. Клякса, что осталась на странице от крови мальчишки, изменилась, превратившись в странный магический символ, раздался громкий хлопок, и всё тут же затихло. Исчезли письмена, будто их никогда и не было – у Эдвана на коленях вновь лежала самая обычная книга.

Криво ухмыльнувшись, он собрал немного энергии из окружающего пространства и направил её в символ внизу страницы. Миг, и письмена проявились вновь, причём на этот раз они горели куда ярче. Дрожащей рукой Эдван перелистнул страницу и погрузился в чтение, как одержимый. Перед его глазами лежало невероятное сокровище, и он был намерен высосать из него все знания до последней крупинки...

«Колодец, Пруд, Озеро, Море и Океан. Задумывался ли ты когда-нибудь, ученик, почему ступени развития носят такие названия испокон веков? Гадал ли, что было на уме у древних мастеров, придумавших такие имена? Когда-то я тоже задался таким вопросом, и ответ нашёл в истории о сотворении мира... простой, как и любая великая истина. Атра подобна воде, что течёт сквозь всё сущее, а сосуд души – её вместительнице внутри каждого из нас. У кого-то оно небольшое, как колодец, а у кого-то огромное, словно бескрайний океан...

Знай же, что каждая ступень силы разделена на несколько уровней. Двенадцать их у колодца, девять у пруда, шесть у озера, три у моря и лишь у океана – одна, ибо является он вершиной пути обретения силы. Одарённый, покоривший последнюю ступень могущества, обретает мощь, пределы которой нельзя вообразить простому смертному. Однако в самом начале, чтобы просто ступить на путь силы, каждый из нас должен сделать шаг к первой ступени. Шаг, называемый преодолением нулевой фазы, и он может быть подобен прыжку через пропасть. Лишь тот, кто достаточно укрепил тело и подготовил сосуд души, может ступить на путь атры. Те, кто побегут бездумно, – сломают ноги и навечно останутся на первой ступени, так и не сумев подняться выше. Не уподобляйся им, ученик. Укрепляй сосуд, наполняй атрой тело, позволь ему привыкнуть к её течению...»

Ниже описывалось несколько способов, как при помощи атры укрепить тело и усилить внутренний сосуд. Пробежавшись взглядом по тексту, Эдван замер в оцепенении. Последняя описанная техника... в точности повторяла то, чем он занимался всю эту неделю! Он, конечно, делал это не так идеально, как описывалось в книге, но сам факт... сам факт поразил парня до глубины души. Теперь даже самые мелкие сомнения по поводу правдивости информации в книге рассеялись.

С того самого дня и всю следующую неделю парень старательно следовал указаниям из наставления. Когда все остальные, кроме Алана, мирно медитировали и осваивали умение задерживать в сосуде больше атры, чем он способен удержать, Эдван делал упражнения из книги и укреплял сосуд. Во время перерыва он пытался освоить поглощение энергии вне медитации, пробуя вытянуть атру из окружающего мира в любой другой ситуации, а по вечерам читал «наставление об атре» и тренировался...

К исходу второй недели Эдван окончательно избавился от нездоровой худобы. Его тело стало поджарым и жилистым, а бег и тяжелые упражнения, которые каждый день заставлял выполнять мастер Ганн, уже не казались непреодолимой адской мукой. И, разумеется, изменения в нем не ускользнули от внимания других учеников. Особенно это стало явно в последний день второй недели тренировок, когда мастер Ганн дал им усложнённую задачу, заставив не только бегать в два раза дольше обычного, но и выполнять множество других заковыристых упражнений, чтобы выжать из учеников все силы, которые ещё могли оставаться в их телах. Из всех ребят только Эдван и Лиза сумели продержаться до самого конца, и если с молодой госпожой из семьи Морето всё было понятно, то Эдвана ученики просто испепеляли взглядами.

И даже слово-ругательство «простолюдин» вылетало из их уст в разы чаще и громче во время перерыва.

– Будь очень осторожен, – сказал Алан, когда все остальные ушли в столовую, и они остались вдвоём на площадке.

– В чем? – не понял его Эдван. Крайне серьёзное выражение лица друга его насторожило.

– Во всём, – коротко ответил блондин и, закусив губу так, будто ему приходилось переступать через себя, продолжил: – Ты слышал их разговоры. Зависть... может толкнуть на ужасные вещи. Даже в академии.

– Зависть?! – глаза Эдвана расширились от удивления. – Мне? Да... – он оборвался, не в силах подобрать слова, – да... да у вас же всё есть! Дом, семья... – перечислял он с дрожью в голосе...

– А ещё у них есть гордость и огромное самомнение, – резко оборвал его Алан на полуслове, – каждый в этой группе считает себя выше любого представителя маленьких кланов, не то что простолюдина. Они – будущие члены Когтя и офицеры гарнизона. С зелёным сосудом. А ты мало того, что простолюдин с желтым, так ещё и без задней мысли втаптываешь их таланты в землю...

– Но ведь Лиза тоже...

– Лиза, – фыркнул Алан, – ты забыл, из какой она семьи? Это естественно!

– Я не понимаю, – сказал Эдван, – но постараюсь быть осторожнее... в чём бы то ни было.

– Не ввязывайся в перепалки, даже если очень захочется ответить. Лучше смолчать, но... но быть в порядке. И... крепко запирай дверь ночью, – тихо сказал Алан. Его рука при этом непроизвольно потянулась к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.